

Серия «Серебро Слов»

Искорки Души

Серия «Серебро Слов»

Искорки души

Сборник произведений

Коломна
Серебро Слов
2021

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Редколлегия:

Сергей Сергеевич Антипов

Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Игорь Евгеньевич Витюк

Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Денис Викторович Минаев

Генеральный директор издательства «Серебро Слов»,
секретарь Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Василий Владимирович Зиновьев

член Российского союза писателей,
Составитель сборника,
г. Великие Луки

И86 Искорки души. Сборник произведений / [Авт.;
Сост.: В.В. Зиновьев]. — Коломна: Серебро Слов, 2021. —
147, [1] с.

ISBN 978-5-907316-67-6

© Авторы, 2021

© Зиновьев В.В., составление, 2021

© Минаева А.А., обложка, 2021

© Серебро Слов, 2021

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ

Мы рады новой встрече с вами.

Вначале, благодаря вам, дорогой читатель, мы собрали и выпустили коллективный сборник «Благодарность к жизни». Спустя некоторое время вышло издание «Мелодии жизни». В дальнейшем увидели свет «Истории из жизни». Совсем недавно была издана книга «Все мы родом из детства». Сегодня мы предлагаем вашему вниманию сборник «Искорки души».

Тема достаточно интересная, тонкая и нежная. Каждый человек уникален и неповторим, поэтому нет однозначного восприятия нашего мироздания. Невозможно выразить материальными понятиями субстанцию нематериальную. Определение души до некоторой степени индивидуально, оно зависит от уровня сознания конкретного субъекта. Не хватает инструментария для определения. Это тот случай, когда мы стремимся нематериальные субстанции наделять формой и содержанием. Но на некотором уровне мы — одно целое. Там мы любим всех и всё. Желаем всем любви и добра. Давайте не будем забывать, что мир придуман для того, чтобы мы любили людей и помогали друг другу.

У каждого из нас есть место, к которому мы относимся с особой теплотой и нежностью. Возможно, этого места уже нет на земле, нет тех людей, которые были там. А может, это место, где и сейчас живёт человек. И вообще, может, этого места и не было никогда, но оно есть в душе. И это немало важно. В этот уголок души мы заглядываем, когда нам хорошо, мы счастливы, всё у нас получается, живёт наша Муза. Мы там остаёмся теми, кем являемся на самом деле, сбрасываем маски, которые иногда заставляет надевать жизнь.

Там журчат ручьи, поют соловьи, мы находимся одни, либо только с теми, кого мы любим. Это частичка нас, это мы, наша загадка и наше творчество. Наша непредсказуемость – как дуновение ветра, как взмах крылышек бабочки. Мы заходим туда и когда нам тяжело, и когда легко. Это наш источник энергии и кладовая мыслей, наше укромное место. Зайти туда можем только мы. А для читателя мы лишь слегка приоткроем завесу...

*С благодарностью,
член Российского союза писателей,
Василий Зиновьев*

Валентина Душина

г. Набережные Челны

БЕДНЫЕ ЛЮДИ

Первая часть

*Люди живы настолько, насколько в них живёт Бог.
Ибо только Бог – жизнь. Есть живые и неживые,
что зависит от меры Бога в них, меры жизни,
которую они несут в себе. Со страхом говорю тебе:
есть неживые люди. ... Хотя неискушённым они
кажутся такими же живыми! Они же существуют!
Разве их нет? – спросишь ты. Да, но и когда угасает
костёр, дым ещё долго витает над пепелищем.*

Святитель Николай Сербский

Роду Поля была простого, по отцу Тарасу Трофимовичу Приходько состояла она мещанкой Новгородской губернии, Боровичского уезда. Родители её прожили в честном браке сорок лет и умерли от лихоманки в один год. Хоронить пришлось аккурат на Чистый четверг перед Пасхой.

Поля поплакала, пометалась между родными и соседями и пошла к своей крёстной матери Таисье, игуменье монастыря святого праведного Иакова Боровичского, находящегося на окраине города, попытать доли. Девушка она была грамотная, после окончания Боровичского городского училища в прошлом, 1875, году, полгода вела счета в мануфактурной лавке купчихи Солоповой Марии Ивановны.

Матушка встретила ласково:

— Сам Бог тебя послал. Лукерья, моя ключница, померла уж неделю как. А верного человека нет. Заменить нечем. Ты будешь мои глаза и уши. В конфликты с сёстрами не вступай. Наблюдай и обо всём, даже самом незначительном происшествии, мне докладывай.

Матушка Таисья — худощавая, высокая женщина шестидесяти лет. По характеру властная, со склонностью

к мстительности и кляузам. Обид не прощала. Как шептались её недруги, чистый иезуит, не было ни одного случая, когда бы матушка спасовала перед трудностями.

Так, благодаря случаю и сложившимся обстоятельствам, стала Поля в семнадцать лет доверенным лицом самой матушки Таисьи. Числилась она при монастырском штате белицей и имела свободный доступ в город.

Келью ей выделили маленькую, два метра на два, с полукруглым невысоким сводом и большим окном. У стеночки стояла узенькая кровать, а у окошка крошечный столик.

Отроковицы, девицы, вдовицы из богатых семейств приносили при поступлении в монастырь большой денежный вклад, им выделялась пожизненно своя келья, а те, у кого денег не было, спали в общем помещении. Поля и поверить не могла своему счастью, что всё так хорошо для неё устроилось.

Поле не хватало жизненного опыта. Находясь столь близко при настоятельнице, она надеялась перенять её опыт общения с сёстрами, что помогло бы ей избежать обычных человеческих ошибок. Дав себе твёрдое слово не судить сгоряча назначаемые послушания, запоминать уроки, осознавая, сколь тяжёл крест матери Таисьи. Это была первая ночь после похорон родителей, которую девушка спала спокойно.

На следующий день после утренней службы Полю пригласили к настоятельнице.

Матушка Таисья посадила перед собой Полю и сказала:

— Аполлинария, я хорошо знала твоих родителей. Корня они слыли честного, ни убийц, ни грабителей в роду не было. Ты моя крестница. Всё, что я ни прикажу, выполнять слово в слово. Ты будешь свободно выходить в город и в лавки, и даже в торговые ряды, и куда мне нужно. Скоро все будут знать тебя, как и то, что ты приходишь по моему поручению. Никто тебя не обидит. Главное, чтоб ты соблюдала осторожность, не своевольничала, по пути никогда и ни к кому не заходила, будь то сродственник или подруга, неважно. Ты вошла в возраст, когда девицу сватают да замуж отдают. При-

даного кроме родительского дома за тобой нет. Как и человека хорошего на примете, кому можно было бы доверить твою судьбу. Я отвечаю перед Богом за твою жизнь, поэтому будь благоразумна, повинуйся во всём.

— Слушаюсь, матушка! — сказала Поля, встав на колени, и поцеловала протянутую матушкой руку. По звонку вошла сестра Параскева и повела по приказанию матушки Полю к ризничей монахине Николае, где с неё сняли мерки для пошива рясы и подрясника.

После ухода Полины матушка погрузилась в воспоминания. Её высокие тонкие брови сомкнулись на переносице, большие чёрные глаза затуманились. Матушка знала то, о чём Поля даже и не догадывалась. Дело в том, что отец Аполлинарии был в третьем поколении правнуком от внебрачной связи достаточно известного и влиятельного человека, друга и благодетеля монастыря, ныне нашедшего упокоение в бозе.

По его воле она стала игуменьей в одном из новгородских монастырей.

— Вот и пришёл черёд отплатить добром за добро, — произнесла матушка вслух. — Девушка милая и скромная, нужно найти хорошую партию и замуж отдать. Завтра же начну хлопотать. — Судьба Аполлинарии была решена, лицо матушки просветлело, и она позвонила в колокольчик, чтоб принесли чай.

Время шло, унося с собой пережитые горести и радости. Стоят тёплые погожие дни. Лето в разгаре. Выезжая в город, матушка Таисья часто берёт с собой Полину. Девушка повзрослела, одетая в великолепную шёлковую лиловую рясу, с белым платочком на голове, восседая в пролётке рядом с матушкой, она с любопытством посматривает по сторонам. За два года, проведённые в монастыре, она приобрела благородные манеры, читает, говорит и пишет по-немецки и по-французски. Умеет готовить изысканные блюда. Матушка ею совершенно довольна, поступают предложения из приличных семей по поводу сватовства к её воспитаннице.

Рядом с Аполлинарией, цветком весенним, игуменья и сама помолодела. Мысли в голове приятные, благостные. Не упустить бы ничего, надо сказать сестре Николае, чтоб приданое шить начали. Да не сплеховать бы — из троих кандидатов в мужья лучшего для Полины выбрать.

Смотрит Поля на матушку, а та ей в ответ улыбается. И неведомёк красавице, что матушка себя в ней видит.

«Ну какая из Аполлинарии монахиня, столько в ней живости, радости, телесности, — убеждает себя матушка в правильности своего решения. — Одни красные щёки чего стоят, так и пышут здоровьем. За купца отдам, Луку Федульча».

Месяц ноябрь наступил — не заметили. Багрянец, позолоту листвы ветром с деревьев сорвало. Разверзлись хляби небесные. Дождь льёт без остановки. Гладкие воронье простучали копытами по булыжной мостовой, карета у ворот двухэтажного каменного дома остановилась. Монашка выскочила, зонт раскрыла, руку статной женщине в чёрном подаёт, к крыльцу ведёт. Слышно — в доме забегали.

— Матушка, матушка приехали! — кричит Полина.

— Ну показывай, как устроилась, чадо любимое! — игуменья широким крестом крестит склонённую в почтительном поклоне голову воспитанницы.

— Хорошо, матушка. Сами взгляните. Здесь направо зала в три окна, а с левой стороны комната для прислуги и кладовая. В верхнем этаже четыре комнаты. Пожалуйста отдохнуть, чаю откусать! — Поля старается поддержать матушку за локоть.

— Сама. Сама. А что Лука Федульч? — Матушка строго смотрит на Аполлинарию.

— Ещё вчера за товаром с братцем уехали, — успокаивает матушку Поля.

— Ну дай Бог! Дай Бог хорошего пути им и удачи. Ладите? Поля опускает ресницы и смущается.

— Ну-ну, вижу, что всё хорошо.

Матушка Таисья садится в удобное мягкое кресло. На столе исходит паром горячий самовар. Сестра Параскева

достаёт из корзины и раскладывает на столе монастырские гостинцы. Матушка поднимает руку и машет:

— Иди, больше ничего не надобно!

Монахиня кланяется и выходит, осторожно прикрыв дверь.

— А я к тебе, Аполлиария, с хорошей новостью... — Матушка не спеша отпивает чай. — Нашла тебе учеников, чтоб ты не скучала. Три мальчика и четыре девочки. Всем им по десять лет. Завтра к девяти придут. Сама на них посмотришь. Позанимаетесь, а в двенадцать отпустишь их по домам. Родители твоих подопечных люди богатые и влиятельные. Вот и будут у тебя свои деньги на свечи, подаяния, лепту для храма, да и на подарок мужу, Луке Федулычу, останется. Говорила я с ним, знаю, что он для тебя денег не жалеет, но своё дело надо знать и иметь, чтоб для себя толк в жизни был.

Матушка пробыла в гостях два часа. Поленька проводила её до кареты.

Садясь, игуменья обронила:

— Что, дом-то родительский продали?

— Да, — ответила Поля. — Сторговались. Задаток уже получили. Через три дня остальные деньги принесут.

— Слава Богу! — промолвила матушка Таисья, и карета тронулась.

Вернувшись в дом, Поля приказала кухарке убирать со стола. Велела оставить только вазочку с шоколадными конфетами в яркой обёртке. «Любит меня матушка, а за что? — подумала молодая женщина. — Спросила было матушку, а она пословицей отговорилась: «Не та родна дочь, что бежит от дела прочь, а та дочь родна, что на всякой работе видна». Стараться надо мне, на благое дело силы тратить...» Поля подошла к резному киоту с иконами, перекрестившись, стала выбирать из лежащих на комодке священных книг чтение на вечер.

— Монашество — это крестный путь, скорби и трудности неотъемлемы от него. Не каждому человеку он под силу... — прошептала Поленька. И не удержалась, воскликнула вслух:

— Это как же надо любить нищего, смрадного, тёмного, заблудшего человека, чтоб молиться о нём и его грехах всю жизнь, как молится матушка Таисья!..

Полю охватила тоска по родителям. Поленьке живо вспомнились все нерадостные обстоятельства тяжёлой болезни папеньки и маменьки и своё неизмеримое горе от их ухода в вечность.

Насколько утешительнее и радостнее ей было бы разделить с ними свою сегодняшнюю трапезу, окружить их заботой и вниманием... Как жаль, что в прошлом ничего нельзя изменить! Поля пошла вниз, желая предупредить кухарку о приходе учеников следующим утром, но, подойдя к полуоткрытой двери, услышала песню:

Ой, чий то кінь стоїть,

Що сива гривонька.

Сподобалась мені,

Сподобалась мені

Тая дівчинонька.

Всё в Поле замерло. Она слушала — и слёзы лились по её лицу.

Не так та дівчина,

Як біле личенько.

Подай же, дівчино,

Подай же, гарная,

На коня рученьку.

Вся боль и любовь исстрадавшегося сердца неграмотной и забитой тяжёлой жизнью женщины поднималась к потолку и рассыпалась на мелодичные чистые звуки.

— Кто же вас так выучил петь, голубушка? — помолчав, спросила Поля.

— Да само изнутри льется, — нимало не задумавшись, ответила баба.

Спальню освещал только неяркий свет лампадки. Пахло ладаном и сухими травами. За окном были видны деревья и крыши соседних домов. Поленьке не спалось. Она вздохнула и стала припоминать рассказ игуменьи...

Рассказ игуменьи

День не задался с самого утра. У меня так разыгралась подагра, что от боли по причине физической немощи я всю ночь не сомкнула глаз. В начале четвёртого часа келейница обложила меня подушками, и я стала читать утреннее правило перед пятичасовой службой. За двадцать минут до окончания молитв я попросила келейницу приготовить для меня травяной настой. Не успела я сделать и двух глотков, как с выпученными глазами ворвалась монахиня Ельпидифора и рухнула передо мной на колени.

— Матушка, — дрожащими губами прошептала она, — у нас убийство.

— Кто жертва?! — спросила я, с трудом поднимаясь на ноги.

— Новая послушница, которую три дня назад прислали на исправление. Четырнадцатилетняя Глафира.

После того как я услышала о смерти Глафиры, моё сердце затрепетало в груди, и волнение, которое всё усиливалось, не давало собраться с мыслями.

Послала монахиню Ельпидифору сторожить труп, а сестру Александру сообщить о происшествии околоточному.

Глафира была дочерью вдовы Медынцевой Ольги, из общицы дворянской фамилии, не получившей по сиротству никакого образования. Отец её Илья Ильич Медынецв умер от апоплексического удара, когда Ольге было восемь лет. По прошествии времени замуж Ольга Ильинична вышла за отставного поручика романтического склада ума, который через три года скончался от белой горячки.

Ольга задумалась о судьбе дочери, когда той исполнилось двенадцать лет, но определить Глафиру в какое-либо учебное заведение оказалось невозможным, так как Глаша оказалась совсем не подготовлена.

Позарившись на дешевизну стоимости уроков, Ольга наняла молодого учителя.

В которого её дочь и влюбилась без памяти. Открылось всё случайно. Ольга нашла записку в кармане платья

дочери. Скандал поднимать не стали. Учителю от места отказали. Глафиру отправили в монастырь.

Монахини живут всецело на своём содержании, не имея единого промысла. Разное социальное положение, достаток, невозможность комфортно обустроить свой быт порождают грех. Тут и недружелюбие, и зависть, и злоба. А сколько самолюбия внутри иной смиренницы! Порой страшно становится: живём в монастыре, а пороки иных сестёр глубже, чем у живущих в миру.

Я этим делом займусь, своё расследование по делу убийства девицы Глафиры проведу. Конфиденциально, не ставя в известность полицию. Кто-то же открыл калитку и вывел затворницу за ограду монастыря?

Келья привратницы Параскевы стоит у самых святых ворот, все ключи у неё.

В старице я уверена, а вот её молодую помощницу попытать надо.

Уездный город Боровичи мал. Новости облетают его быстро. Венчание Луки Федулыча с девицей Аполлиinarieй обсуждалось в домах и кухнях всех горожан, что, несомненно, упрочило положение Поленьки в обществе. Скоро стало известно, что Аполлиария знает в совершенстве языки, точные науки и всё Евангелие наизусть. Причём пересказывает славянским текстом слово в слово все евангельские события, что многим обывателям казалось несомненным чудом.

Они вошли в моду. Среди городской знати стало обязательным приглашать их на вечера и домашние спектакли. Совместные выезды в оперы и театр хоть и были порой утомительны, но, несомненно, расширили деловые связи Луки Федулыча.

Продолжение следует...

АБОРТ

... Скорбь и горесть постигли меня...

Пс. 118:143

Среди серых высотных башен, создающих в пространстве сумрачный колорит, стоит трёхэтажная больница, окружённая чёрным литым забором в кружевных завитушках, — это частная женская клиника. Принимающая в свои недра всех: потрёпанных непосильной работой женщин, похожих на старух, молодых красоток на пике успеха, неуклюжих подростков и совсем детей лет одиннадцати-двенадцати.

Один день платного лечения в ней стоит кругленькую сумму. Здесь можно встретить людей самого разного социального статуса. Есть в ней палаты люкс, выходящие в закрытый для посторонних холл с огромным плазменным телевизором, мягким диваном и ковром удивительно красочной расцветки. Несмотря на общий лоск, воздух пронизан запахом лекарств. За каждой закрытой дверью таится страдание. Оно одно здесь истинно.

Есть и простые белёные палаты, вплотную заставленные железными койками, с общим коридором и неприметным выходом с торца сразу на улицу.

Вот в этой-то части больницы для бедных и работала Аглая Ивановна, акушерка с солидным стажем.

Сегодня был вторник. День, когда в больнице делали платные аборты.

С утра в приёмной сидело уже человек двадцать, но здесь такое количество людей не считалось большим. Бывало значительно больше. План по запланированным абортам перевыполняли в три раза. До обеда всех женщин успевали прооперировать, и в шестнадцать ноль-ноль московского времени санитарка Нюра выпроваживала их домой. Безликие и отчуждённые, они не запоминались. У каждой из них было своё горе и свои заботы. Абортарий был одной из городских клоак, на сцене которой из года в год разыгрывались человеческие драмы.

Всё шло как всегда, и в двенадцать часов дня Аглая Ивановна уже пила чай в сестринской комнате. Все домашние темы были давно переговорены. За чаем, как всегда, обсуждали больных.

Акушерка возмущалась: пришла лахудра, легла. Лет-то ей всего пятнадцать, а срок большой, видать, скрывала от матери. Заведующий отделением врач Юрий Леонидович, скрепя сердце, согласился делать, деваться ему было некуда. Звонил сам А., вершитель людских судеб, бог городского Олимпа.

Ввели наркоз, так у соплячки глаза закатились, плохо стало, еле откачали. Что делать? Пришлось везти в палату, сейчас отлёживается, мать рядом сидит, плачет.

— И что? — спросила дебелия медицинская сестра Лидочка.

— Вечером искусственные роды попытаемся вызвать, а там видно будет, — ответила Аглая Ивановна.

Лидочка с шумом втянула чай.

— Дела. А что не в отделение положили?

— Огласки бояться родители, а тут, в общем потоке, никто и не заметит, требуется срочно устранить проблему, — округлила разговор медсестра.

Ночью поспать Аглае Ивановне не удалось, лахудра от вспышек невыносимой боли в самом центре её существа кричала не переставая: «А-а-а-а!» — пришлось поднять с постели Юрия Леонидовича.

Пришёл не выспавшийся и от этого злой. Велел Аглае Ивановне ставить девице капельницу. Лахудра родила под утро.

Лежала она в кроватке, маленькая, худенькая, и улыбалась. И матери, склонившейся над ней, счастливым голосом говорила: мальчик был. Видно, ещё не осознала, что это её кровиночка умерла. Весеннее солнце празднично сияло в высоком окне, вызолачивая веснушки на её курносом носу.

Матушка, совсем не старая ещё женщина, нежно гладила ладонью дочь по мягким, светлым, заплетённым в косы волосам, повторяя, как заученные, одни и те же слова:

— Всё хорошо, Верочка. Всё хорошо!

На последнем слове голос дрогнул и печально сник. Черты лица исказило неподдельное страдание.

Вся жизнь в ней сконцентрировалась в мучительную попытку вернуть потерянное сознание. Временное и вечное пошатнулось, рассыпалось, как карточный домик.

Что такое призрачный Божий суд, когда душа её корчится в аду?

От автора

Дорогие читатели, я опускаю занавес.

Вот жизнь как она есть!

***

Шёл по Иваново Господь,
Ведя на поводу ослицу.
Земную обжигая плоть,
Пылало солнце, и цевница:
«Подуй...» — издала хрип и стон.
Жара стоит, как в Иудее, —
                                подумал Он,
Под полог тени с ослицей
                                поспешив взойти.
Возлёт, чтоб погрузиться в сон,
Тут баба встряла на пути.
— Ты, отче, видно, издалёка?
Лицо усохшее до срока,
В глазах вселенская тоска.
— Да, милая, издалека...
— А у меня беда, родимый,
Уж лоб разбила пред мессией.
Муж идол, изверг нелюдимый,
От водки чахнет, обессилел.
А лучше станет — бьёт меня!
За русую таскает косу.

Я, выскочив, ищу берёзу,
Порушу жизнь свою, кляня.
Иль способ есть помочь мне в горе?
И птица не поёт в неволе,
Мне не по силам этот крест!
Не слышит Бог, кричу окрест.
А Он никак не отзовётся...
Вишь, задохнулась, сердце бьётся.
Поди как страшно вспоминать,
Зову на помощь Божью мать.
Но и она, видать, не слышит...
Хоть в церкви полог мною вышит.
Родители ль мои грешны,
Или меня кто проклял, Отче?
Уж дом не дом мне нынче отчий.
К кому бежать, не знаю я,
Как дальше жить мне, сиротине.
Напъётся и кричит: змея!
Ты помоги моей кручине.

Христос ответил: рядом я.

Пришли. Состаренный работой
Мужик мычит. Стакан, звеня,
Упал... Застенчивой заботой
Полны жены его глаза.
Сынок Ванюшка белокурый
Вьюном кружит у божьих ног.
Собачка лает, квохчут куры...
— Совсем ты, Вася, изнемог.
Ведь и Спаситель крест несёт,
И к вам пришёл, глядите вот...

И покатилаь вдруг слеза.
И вмиг Василий протрезвел,
Рвал жилы, есть всему предел.

— Уж тлею, боль преодолая,
Кричит душа моя живая,
Я изуверился вконец.
Хозяин мой большой подлец,
До капли малой выжал соки.
И вот уже подходят сроки,
Ты видишь, Боже... умереть.
Лежу и чую: не жилец!

— Как раньше жил,
                    мой сын жестокий?
Не торопись землёю стать,
Твой час пробьёт — и
                    примет мать...
Не привечал моих пророков,
В безумстве бьёшь свою жену,
Как камень, что идёт ко дну, —
Сказал Христос и пояском
Опясал чело больного.
И озарил печальный дом
Сияньем Света Всеблагого.
Василий встал и поглядел:
В дремоте Русь лежит Святая.
И церковь белая стоит,
Суд праведный
                    собой являя.

— Живи и помни: не греси
Ни делом и ни словом.
Чтобы в раю душе цвести, —
Господь взглянул с укором, —
Жену и всех родных прости,
В большом бреду распятых.
Живым пребудь среди живых,
Паломников и святых.

Он в ночь уехал в тишине
С поклажей на ослице,
Оставив в сердце и душе
Бессмертия частицу.

***

Оборвёт ветер листик осенью
С ветки дерева, понесёт.
Над зелёной и сочной озимью
Поглядит человек, вздохнёт.

Огороды пусты и рощи,
И в распадке молчат сады.
В их вечерней глубокой толще
Вызревают во тьме плоды.

Оборвёт ветер листик осенью
С ветки дерева, понесёт.
Постоит человек под моросью,
Поглядит в никуда, вздохнёт...

ГОРЛИНКА

Лазоревая, голубая,
        стоит вода в глубинах глаз,
Ах, горлинка моя ручная,
        дитя свободы и проказ.

Поёшь, ликуя на авось,
        усыпан розами июль...
Столь безмятежен он и юн
        среди полёвок и стрекоз.

Кольцо на палец надевает
        и под венец, обняв, ведёт.

Как ветер дойну наиграет,
так сладко флуер запоёт.

Лети ко мне, моя голубка,
и на груди усни родной.
Как тень мелькнув
среди яви хрупкой,
нарушь обманчивый покой.

Шепчу без устали одно,
ища лицо и уст прохладу.
К чему мне терпкое вино,
когда душа твоя — улада.

***

Она идёт по Красной площади,
Синичка прыгает, играя.
Спит мавзолей, а тучи клочьями,
Вот-вот прольются над мощами.

России память незабвенная,
Не встанут те, что похоронены.
Ах, мать скорбящая, нетленная,
Всё прощено и отгорёвано.

Какой ни мерь Россию меркою,
Встаёт над гробом стопкой
с хлебушком.

И над старушкой староверкой
Блеснёт слезой под низким
небушком,

Когда пойдёт дорогой горнею,
На Муром в сторону Дивеева,
Чтоб окликать с улыбкой робкою
Посланца Бога загорелого.

Он вознесёт её над куполом,
И над канавкой страсотерпцы.
Где, радугой свечей окутана,
Предстанет простодушным сердцем.

***

Краснопёрые рыбы плывут по сукну
Пересохшей, беспамятной речки.
Чья-то жизнь или смерть у судьбы
на кону,
Жарких пятен колышутся свечки.

Льнёт глухая трава, и колючий осот
Замедляет, сминаясь, движенье.
И страшится угод, и разносит угод
О безводье реки песнопенье.

Только чёрные листья всплывают
со дна,
Из-под камня побег и корни.
Её тайная жизнь на свету не видна,
А былую уже и не вспомнить.

Тянет сладкою дыней с ближайшей
бахчи,
Соль на коже выюна выжигают лучи.
Крылья бабочек плаваются в пляске,
Быстро катится время к развязке.

Полетит над землёй паутина,
Алым соком нальётся рябина.
Август канет, хворобой истрачен,
Смолкнут птицы, и небо заплачет.

Опушит в октябре лозы иней,
И в прозрачной воде тёмно-синей
Облаков золотые овечки
Побегут, растрепавши колечки.

***

Осени долгая свара,
Дышишь пространством пустым.
Угли остыли от жара,
Струйкою тянется дым.

Утро глядит из тумана,
Ветер бормочет больной.
Солнца кровавая рана, —
Пахнет грядущей зимой.

Ужас раздетых деревьев
Чует проснувшийся пёс.
Песнь отдалённых кочевий
Слышится в шуме колёс.

***

Эти русские так безответны,
Как ребёнок в намоленном Храме.
Их не сманишь уйти за пределы
Перевитой ветвями ограды.
Всё псалмы да молитвы бормочут,
Вдаль глядят с первобытным испугом.
Где же вы, храбрецы и герои, —
Вижу всюду склонённые выи.
Потом полито русское поле,
Кровью политы русские степи.
Древней веры корабль на приколе,
Громяхают железные цепи.

Только пенье и ладан — не ладно,
Час пришёл, поднимайся с колен.
Оглянись, как вокруг безотрадно,
Сорняки прорастают сквозь тлен.
Всё глядит и не видит разиня,
Как не слышит ни крика, ни стон.
Это время лихое предзимья,
Скачут бесы, и их легион.

***

Домотканого неба рубаха
От Москвы до курильских высот.
Человек — это горсточка праха,
Но и тверди весомый кусок.

***

Тихо падают звёзды в траву,
Свет берёз разливают ветер.
И дрожит луна на плаву
Водной глади в холодный вечер.

Это Русь моя! Это Русь!
Лебединая песня венчальная.
Топи страха и гнева груз...
Рядом смерть поёт величальную.

Бутафорский парад побед,
В стременах приподнялся всадник.
В хате хлеба ни крошки нет,
Дед смурной за столом — молчальник.

Те, кто жил с ним, — из тех времён —
За порог ушли без имён.
Дышит тьма без границ и края,
Что ж ты шепчешь, старик: святая...

ВЛАДИСЛАВУ ПЕНЬКОВУ

Где белого холста горит летейский венчик,
Всё гуще темноты пугающая крепь.
На обшлаге сидит (равновелик) кузнечик*,
Он плоть моя и кровь, но без тепла он слеп.

Но музыка звучит, во тьму перетекая,
И слева, справа — Бог, и тише вздох земной.
Раздумий долгих правду выдыхая,
Вдруг ужаснёшься, что такой ценой.

Что за пространство грёз
в плену стихий разлито,
Кольшется вода и с ней кувшинок креп.
В пропащем сентябре, распетом и распитом,
Горит моя душа и мечется, как вепрь.

Окликну... погоди! (Хвалу пустот минуя,
Любовь на языке как манну сохранив.)
Восстань среди глухих, победу торжествуя,
Твой голос не угас, и ты вовеки жив.

ОДА КУЗНЕЧИКУ

И вот кузнечик, в золоте ликуя,
Вдруг упадёт на скошенной траве.
Последний зов любви живописуя,
Глаз тонет в запредельной синеве.
Куда же ты? — дохну теплом,
не слышит...
Поджал колени, позументом вышит
Его на солнце выцветший мундир.
Ах, мой дружок, и твой окончен пир,

* Кузнечик — образ поэзии.

Мешок болтался за спиною,
Сей отщепенец был блондин.
Водился с всякою шпаною,
В миру он звался Валентин.

В мешке холсты его, и кисти,
И музы нынешней портрет.
А также ворох старых истин,
Которым сносу в мире нет.

Котлеты, вискаря бутылка
И пачка Винстона в утлу.
Ломило в области затылка, —
Авось сегодня не умру.

Он шёл, заклятье повторяя,
И Бог глядел, прищулив глаз.
И осень, кровью обагрят,
Как Ахерон струясь лилась.

2.

Катилось время к октябрю,
И он спросил: какого чёрта
Безглазый мир в твоём раю
И святых полная когорта?

Сады, и реки, и мосты...
Я — демиург, ты — человек! —
Воскликнул Бог, взмахнул и снег
Стряхнул сандалией с высоты.

Вам, смертным, немощь да глисты...
О чём ты в неведение бредишь?
Раззявя глиняные рты,
Кувшинам петъ хвалу, как прежде.

Безумец, думаешь — постиг,
Малюя, взлёт и крах эпохи.
Вся жизнь твоя вместилась в миг,
Успел вкусить ты только крохи.

Да чтоб ты сдох... и тут порог
Стал в мастерской его крениться.
Я пошутил... И добрый Бог
Не дал несчастью совершиться.

Ну как сердиться на глупца,
Когда в руке твоей овца?
Бывает, блеет бестолково,
Но это Господу не ново.

3.

Был Валентин забавней всех,
Христа писал получше многих.
И ангелов, чтоб без помех,
Приставил Бог не очень строгих.

Всего страшней молчанья страх
В преддверье ненасытной Леты.
У каждого свои секреты...
И короб правды на устах.

На холст худой и пропылённый
Метает краски Валентин.
Всё призрачней, всё иллюзорней
Леса, простор глухих долин.

В нём Бог одним дыханьем дышит,
Горя звездой над ветхой крышей.
Вода рукою по холсту,
Припомнив детскую слезу.

Что в том, чтоб головою в омут, —
Шепну тебе, любовь не пряча.
В раю возможно по-другому,
Таких там нет, вот незадача.

И краски будут, и холсты...
Но призову тебя не скоро.
Ты знай, что я твоя опора,
Земная жизнь — для остроты*.

***

Август сгорает, под вечер прохладно,
Яблоки падают, поздние груши.
Сад отцветает... так безотрадно,
Листья роняют райские кущи.

Сузилось время до маленькой точки,
Бьётся, волнуясь, голое сердце.
Звёзд полуночных блекнут веночки,
Смолкла кукушка за призрачной дверцей.

Сад умолкает, а я холодею,
В зеркало мерклое крикнуть не смею.
Рот заморожен — не вырвутся звуки,
Сад, поникая, уходит на муки.

Свет угасает, утеряно счастье,
Скорби, печали завьются ненастьем.
Снежные вихри примчатся к порогу,
Белые платы затянут дорогу.

---

* зрения.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВДВ

борт идёт сквозь грозу и прыжок за прыжком торопясь облака прорывая уходят на землю ребята я второй я второй но с вертушкой оборвана связь и лицо омывая ползёт под тельняшку прохлада я радист он минёр а за нами ребята наш надёжный в боях отличившийся взвод выполняем приказ закаты в перевал супостата удержать высоту и заткнуть изрыгающий дот восемь снял пулемётчик один подорвался на mine но приказ есть приказ и вершину мы заняли в срок в дом бумажка придёт сын геройски погиб на чужбине вы простите его что назад к вам вернуться не смог Борька Сашка Андрей души их уходили по минам растворяясь в рассеянных первых нежарких лучах ну а шестеро верных ушли на восток по долинам чтоб уснуть непробудно в рязанских высоких стогах

МОСКВА

*У меня брюхо лужёное, могу пить из тех озёр,
где живут змеи и гады.*

Семёнов Юлиан Семёнович.
Экспансия – II. Страница 40

Не резиновая Москва на проклятья ворчала глухо:
Черти! Звали вас всех сюда? Провались вы, лужёно брюхо!
Понаехали с разных мест, притаились, всё шито-крыто...
Тут у каждого свой гешефт! Куда рак, туда конь с копытом.

Не резиновая Москва не одну загубила душу,
Ох, трясли мужика, как грушу, и под дых били с озорства!
Кто пешком из неё, кто ползком,
эт на кладбище, та за границу!
Прощевай, не тужи, столица! А она им вслед матерком...

При деньгах шальных с ветерком на железной взмывая птице,
Не журился, кричу, столица! Всё путём у меня! Всё путём!

Небеса голубого ситца вяжет парка, упруга спица,
Оглянёшься — пустые лица. Всё путём у меня, всё путём!

Сётрам шмотки, а Мишке книжку, бабе Юле с угла халат,
Помогает поднять сынишку, жизнь проходит, могилок ряд.
Колотятся, как рыбы, люди. Кто как может. Из жара в лёд,
Никого-то наш царь не любит, никого-то не бережёт.

Облака словно пух над речкой. Там, внизу, вся моя страна,
Перед Богом стоит как свечка! Как натянута струна.
Купол церкви с письмом Рублёва,
                              где крещёна, отпета родня,
Валентина я, Воробьёва. Укрепи в этом дне меня.

Здесь, подале, народ живучий. Крест на Храме, стеною лес,
Рыкнет дьякон, как лев могучий,
                              басом громко: Христос Воскрес!
Чернь земная жива хозяйством, все своё, и яйцо, и мёд.
Денег нет в этом нищем царстве,
                              а без денег — что прорастёт?

Вот и едет безглаза молодь попытаться, да не раз, судьбу,
Засосёт, как в трубу какую... огляделся, а ты в аду.
Рад бы спрятаться хоть в скорлупку,
                              затянув на штанах ремень,
Секс, наркотики... слабый духом,
                              пропадёшь, словно не жил, тень.

БАБА

Баба корчится рожает...
                              от кровей ли умирает?
Крови — выжми полотенце
                              под щенячий всхлип младенца.
Закатилась голова,
                              глянь, а баба-то мертва!

Молодая баба, жаль!
Мужику тоска-печаль.
Как поднять, вскормить мальчика?
Чёрен стал как ночь с лица.
Трое деточек стоят,
на родимую глядят.
На закрытые глаза
да на руку без кольца.
Что ж ты, мама, не встаёшь,
в дальний путь одна идёшь?
Иль на божьей стороне
ярче солнце на заре?
От печи теплей спине,
больше уток во дворе?
Плачет братик день и ночь,
мы не знаем, чем помочь.
Но Настасья не встаёт...
гроб с одра народ несёт.

Время вроде колеса...
вот за тёмные леса
Едет рыцарь Еруслан,
что ни сказочка — обман!
Едет батя за жар-птицей,
да, боюсь, вернётся с львицей.
Сабли — зубы, черна пасть...
тут воробушкам пропасть!
Бабка тянет шерсти нить,
со злодейкой будем жить!
Сирот много на Руси,
всех их, Господи, призри.
Ночь большая, что сугроб,
стук да стук, поклоны бьёт.
Рассекая смуглый лоб,
волосами пол метёт.

Не случилось бы беды
от безумца и воды.
Спит последыш... грозен волк,
вырастай под потолок.
Смелым, умным будь, в обман
не давайся, атаман!
Водят звёзды хоровод,
всякий разный есть народ.
Не побрезгуют убить,
среди халдеев будешь жить.
Улыбается малой,
плачь и смейся над собой.

***

Птицы спешат к маяку на груди океана,
Маяк поведёт сквозь мели...
сияя «звездой пастушьей».
Помнишь, пили до дна,
ты браслет в воде утопила...
Скрипка звучала всё глуше,
вторя балладе, пропахшей осенним дымом.
Я и маяк,
отбиваю о пирс ладони и крою матом...
А душа словно чайка летит над холодным Крымом.
Где ты, Фата-моргана?
Я курю сигарету с ментолом, подаренную «херувимом».
Подошла, протянула в ладони... запахло джемом.
Вот такая драматургия.

***

Не столь уж жарок солнца пыл,
В бесплодье дней душа возросла.
В слезах кристаллов свет застыл.
Лик нищеты. Зима поспела.

И в чёрном нищенстве любви
Сверкает луч среди водной пыли.
Горят берёзы и рябины
На голом остове земли.

Иль я не с клином журавлиным
Средь туч, что глыбами нависли.
А мне, скажите, в муках мысли,
Прощаясь... как не зарыдать.

***

Весь пруд сковал прозрачный лёд,
По пояс вмёрз в него тростник.
И скоро стужа заберёт
В полон не смолкнувший родник.

Очаг угас, и дней золу
Развевял ветер поутру.
И заглянул в моё лицо...
И сдёрнул я с руки кольцо.

Сверкает луч среди водной пыли,
Стоят матрёшками рябины.
И пташкам впору сострадать,
Боюсь навзрыд не зарыдать.

Где ты теперь? В каком краю?
Как мёртвый падаю в постель.

Ворочаюсь во тьме, не сплю,
А за окном гудит метель.

Всю ночь метёт и до зари,
Глядят в окошко снегири.
И я приткнулся у стола,
Где чай ты как-то пролила.

Гляжу, забывшись, на пятно,
Я умер, не сейчас... давно.
Отдать бы скатерть постирать,
И кружку впору поменять.

ЖЕНИТЬБА

Действующие лица:

Пафнутий — брат (купец-старообрядец 33 лет).

Аполлинария, она же Липочка — сестра (18 лет).

Иван Маркелович — жених (из дворян, статский советник 37 лет).

Пафнутий

Скажи, что баяли вчера,
Зачем манила нежным взором,
Клонясь, как цвет простым убором,
Как будто гнут тебя ветра?

Липочка

Волненье жаркими волнами
Текло меж трепетными нами,
Любви расчисленную нить
Связуя вдвое, чтоб манить
Пределом неземного счастья.
А ты мой брат, твоё участие

Приятно мне, но тяжело.
Как будто волк глядит в окно
И в дар живое сердце просит.

Пафнутий

Эк нынче как тебя заносит,
И стоит так себя томить?
Коль, ничего не обещая,
Как ветрогон готов сманить,
Средь сельских барышень блистая.

Липочка

А я и трепетному дню,
И наставленью даже рада!
Давать балы, любить родню
Ты властен. В чём твоя досада?

Пафнутий

Как месяц средь нагих полей,
Что светом призрачным блистает,
Живёт, себя не сознавая,
Свой долг и толк среди людей.
Скажу уж попросту: повеса,
В его именье мало веса.
Тебе б в мужья — кто посильней!
А что милей, так это бредни.
Пустышка! В храм сходи к обедне,
Иван Маркелыч будет там.

Липочка

Ах, что ни день, то шум и гам...
И всё сплошные наставленья!
Как, братец, непонятно вам:
Жить без влечения — мученье.

Пафнутий

Иван Маркелович мудрец!
Богат, и дом его дворец!
А не Полкашкина конурка...
А ты живая, не Снегурка, —
Зимой в «сарая» проживать.
Сказали б что отец и мать,
Когда б поныне были живы?
Я всё тяну, натужась, жилы,
А коль придёт и мне конец?
Пора, сестрица, под венец!

Липочка

Да что вы, братец, в самом деле!

Пафнутий

Тебе ль об ежедневном хлебе
На волю Бога уповать?
Есть Бог на небе,
Как не знать!
А хорошо душой свободной
Шуметь рекою полноводной.
Ни стать, ни нрав крутой
Не тронь!
Да чтоб в глазах горел огонь!

Вечер, светлица.

Липочка

Уснуть. Как сладко сердце млеет,
Когда подумаю о нём...
Иль это ангел тихий веет,
Такой покой лежит на всём.
Любить играя? Прямодушно?
Когда на грудь, как уж послушно,

Сползает чёрная коса
И робких грёз горит роса.
А поцелуй уста в уста
Хорош, да только мы неловки.
Любовь чиста,
Да век короткий.
К тому же всё девичья блажь.

(Помолясь и перекрестившись, засыпает.)

Утро. Столовая. Брат и сестра за чаем.

Липочка

Ах, братец, вновь впадаешь в раж.
Спокойствие всего дороже,
А что до милого Серёжи,
Его призрела не любя.
Лишь в браке познаёшь себя,
Всё в руце божьей!
Настороже
Внимаю я его речам,
Ни томность глаз, ни нежность кожи
Во мне не вызвали пожар.

Пафнутий

Разврат, порок на гильотину
Любого приведут детину.
Наш род в помяниках, в церквах...
Душа к душе,

(Показывает указательным пальцем вверх, на небо.)

А здесь лишь прах.
Нам отщепенцы ни к чему,
А он из них, гони чуму!

Липочка

Пожалуй.
Снова будет скушно.

Пафнутий

Ты помнишь, матушка зимою,
Едва забрезжится заря,
Ещё земля покрыта тьмою,
А уж она у алтаря.
Крестили в домовых церквях,
По чину всё... и отпевали.
Похабства всякого не знали,
А благ — то ровно в облацах.
Все в золоте иконостасы,
Что ни кладовка, то запасы.
И оттого был долог век,
А нынче дрянь, не человек.

Липочка

Ты слышишь шум? Как будто дрожки.

Вбегает рыжая дворовая девка.

Дворовая девка

Иван Маркелыч! (Спотыкается.)
Тьфу ты! Кошки.

Вгостиную вбегает Иван Маркелович, в одной руке у него роскошный букет цветов, в другой шампанское и коробка конфет.

Иван Маркелович

О, розы щёк, весны приход!
Вы улыбнулись еле-еле...
Я капитан, что в ледоход
Стихией выброшен на мели.

(Суёт Пафнутию шампанское с конфетами, а Аполлинарии протягивает букет. Подхватывает её и кружит, вальсируя, к окошку, нащёптывая.)

Ах, нам скользить по водам рек,
Как птицам без забот и цели.
Я ваш навек! Я ваш навек!
Готов погибнуть на дуэли!

Аполлинария хохочет.

Пафнутий (улыбаясь, удивлённо)
На вас как будто сапоги?

Иван Маркелович
Надел. О, это пустяки!
Ах, Липочка, не хмурьте бровь!

(Тихо.) Дитя! не ведает любовь!

Я к вам приехал не случайно.

Липочка
Так поделитесь вашей тайной!

Иван Маркелович
Купил я белый пароход
и вашим именем назвал!

(Смотрит на Липочку.)

Хочу пронести их...

(Кивает на Липочку.)

на мостки.
У вас прошу её руки.

(Поворачивается к Пафнутию.)

Вы как отец, как божий глас...
Девушка кроткая — алмаз,
Благословите в добрый час!

Липочка (растеряна и поражена, шепчет тихо, как бы про себя)

Видать, придётся покориться.

(Принимает царственный вид.)

Иван Маркелыч, я согласна!
(Убегая.) Я мигом.
Мне б принарядиться!

Иван Маркелович достаёт из кармана коробку. Открывает. В ней брильянтовые серьги и перстень.

Гостиная. Пафнутий рассматривает убор, как играют на свету алмазы.

Пафнутий

Ай, хороши! Под стать святыне!

Иван Маркелович

У матушки в ларце донине
Хранились, видно, свыше вняли.
Из рода в род, что те скрижали,
Носили жёнки не снимая.

Пафнутий

Ну, дева — что цветущий май!
Как славно вышло с парходом...

Иван Маркелович

Так сердце ж любит, дышит маем!

(Улыбается.)

К Барышникову мимоходом
Зашёл, узнал, что продаёт
С долгами и со всем народом.
Скорей венчаться и в Париж!
Развлечься — и стране престиж.
Что, мол, и мы не лыком шиты,
Есть капитал, и башковиты.

(Бормочет про себя.)

Иное солнце светит лепестком,
На языке немом любовь приветит
И чарами, и страсти волшебством...

Пафнутий (усмехаясь)

Всё о своём счастливце грезит!

В гостиную входит роскошно одетая Липочка.

А вот и Липочка стоит,
Хоть сей же час пиши картину!
Как лань пугливая глядит...

Липочка

Лишь срок мелькнёт, сей дом покину.
Желанен мне далёкий путь.
Париж! И думать я не смею,
Тревогою теснится грудь,
Пред градом царственным робею!
(Тихо.) Уже считаю час и дни,
О, сколь же сладостна картина.

Гуляем на полях*, одни,
И дышат розами куртины.

Иван Маркелович

Прелестное моё дитя,
Тебя, ревнуя и любя,
Искал, томясь в бреду наитий,
Средь зим и горестных событий.
От утра и до зорь любить
И побеждать на поле битвы.
Плетут в молчанье парки нить,
Душа с душой навеки свиты.

---

* *Елисейские поля.*

Наталья Зиновьева

г. Великие Луки

МАМЕ

Листва закружит каруселью в ноябре —
И снова ты привидишься во сне.
Моя родная, пусть снежинки к декабрю,
За всё сейчас тебя благодарю:

За долю русскую, за песню грустную,
За всё, что мне назначено судьбой.
За расставания и понимание,
За всё, что мне дано тобой.

Пусть годы пролетят в тревожной суете,
Но мы отыщем место доброте.
За то, что научила жизнь прожить в труде,
Спасибо, мама, говорю тебе.

За зорьку алую, за тропку старую,
За разговоры в тишине.
За зорьку алую, за тропку старую,
Которой я иду к тебе.

23 сентября 2020 г.

Василий Зиновьев

г. Великие Луки

ПЕСНЬ ОБ АККОРДЕОНЕ

Повесть

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а милосердия не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею милосердия, – то я ничто.

И если я раздам всё имение моё и отдам тело на сожжение, а милосердия не имею, нет мне в том никакой пользы.

Первое послание Павла к Коринфянам

Иногда жизнь закружит такой сюжет, что и в сказке сложно придумать.

Автор

Глава 1. Военная

Подходило к своему логическому завершению одно из самых ужасных событий столетия. Наступало пресыщение войною. Сколько было переломано судеб, уничтожено надежд, сломлено людей, никто никогда не сосчитает и не узнает. Нет на свете такого объёма и формы, которые могли бы в себя вместить всю эту боль. Она распадалась на мелкие осколки в каждом живущем человеке, не исчезая и не умирая никогда, временами затухая, но часто взрываясь, вырывая частички души. Каждый вбирал в себя эту боль, отрывая кусками от общей глыбы страданий. Часто, не сумев перебороть эту огромную бесконечную махину горя, человек уходил в другое пространство. Располневшая от жертв, омерзительная

гидра войны вот-вот должна была взорваться, оставляя на земле незаживающие раны и своих маленьких змеёнышей, которые должны были, вырастая, подтолкнуть людей опять к уничтожению друг друга. Советский солдат боролся с этим чудовищем уже четвёртый год, отрубая щупальца и надеясь, что не даст гидра потомства и не будет больше войн...

Необходимо было пройти и прожить последние дни войны, выжимая из себя все силы и вытягивая жилы. Многие ещё советские солдаты навсегда лягут в чужую прусскую землю. Но выбора не было, необходимо было добить врага в его логове...

Не много повоевал Борис, но увидел столько горя, так много страдал, что казалось, ничего уже другого не было в его жизни. Иногда у Бориса проскакивали мысли, что никогда не будет этому безумию конца. Постоянно хотелось спать, есть, донимали вши. Человек, который был на передовой месяц, считался ветераном. Одна атака — и нет больше половины личного состава: либо гибель, либо госпиталь. Молодость и жизнь Бориса проходили через войну, не было у него другой жизни, но и эту отдал бы молодой солдат, не раздумывая, если возникла бы в этом необходимость. Но жить иногда хотелось так, что боялся временами себя Борис, считал своё желание слабостью и трусостью. Быстро менялись сослуживцы в роте. Жалел своих солдат Бородай, не очерствело до конца его сердце, хотя уже несколько раз ходил в атаку. Приходилось стрелять и убивать гитлеровцев. Иначе быть не могло, война есть война. Врага необходимо уничтожить. Выживал каждый день Борис, отдавая все силы дню наступившему. Не прятался, воевал как многие его сослуживцы. Если бы ему кто-нибудь сказал, что он совершает каждый день подвиг, то солдат бы удивился: все воевали и выполняли ежедневную работу на войне. Слово «работа» было ближе Борису, чем «подвиг». Подвиг — это нечто героическое и возвышенное, а он просто воевал...

Город был сильно укреплен, представляя собой сплошную крепость. Вчера, 5 апреля, был сильнейший бой. Начался штурм, наши войска использовали тактику начала пехотной атаки до окончания артиллерийской подготовки. С одной стороны, удалось застать гарнизон врасплох, с другой, многие наши солдаты попали под свой артиллерийский огонь. Многие воины погибли. Борис знал о вчерашних потерях. Ему, конечно, не хотелось бы погибнуть от огня своей артиллерии, но, как говорили на войне, как Бог даст. Радовался воин, что впереди него успели пройти солдаты штурмового инженерного батальона. Подразделения были приданы пехоте для выполнения её боевых задач. Они уничтожали дзоты, доты, пулемётные гнёзда. Для Бориса солдаты инженерно-штурмовых войск казались богатырями из русских сказок. Они были одеты в пуленепробиваемые жилеты, в стальных касках, прекрасно обученные. Вот и сегодня штурмовики подорвали дот. Бежал Борис, поглядывая на сооружение, напоминающее ему некое безобразное квадратное чудовище со страшным оскалом. Не забывал Бородай посматривать и на окна в разрушенном рядом кирпичном доме. Максимальная концентрация и собранность. В любой момент из окна могли выстрелить гитлеровцы из фаустпатрона. Досаждали подростки из организации гитлерюгенд, некоторые из них воевали с фанатичным упорством...

Обогнал Бориса советский танк Т-34. Остановился на секунду, выстрелил из башенного орудия и пулемёта вглубь здания и стал двигаться дальше. Вдруг танк остановился: слетела гусеница. Экипаж танка быстро — видно, опытный — покинул танк и стал занимать оборону вокруг своего железного друга. Механик стал ремонтировать гусеницу. Немного погодя раздался удар по башне танка. Рикошет и взрыв, осыпало осколками командира танка — молодого лейтенанта. Получил серьёзное ранение механик-водитель. Молодой лейтенант крикнул Борису:

— Эй, браток, посмотри, кто это нас так угостил? Машина чуть не взорвал да Петра ранил.

— Есть, товарищ лейтенант, сделаем, — ответил Борис...

***

Юноша Джорг на всю жизнь запомнил страшную ночь 30 августа 1944 года. Была страшная бомбёжка, британцы уничтожали дома, которые находились в центре города. Как только Джорг услышал сирену воздушной тревоги, тотчас стремглав помчался в бомбоубежище. Мама Вилда поспешила за сыном, но немного погодя решила остаться в доме.

— Джорг, я останусь, приберу в доме, бомбёжка, наверное, скоро закончится, — крикнула мама.

Это были её последние слова в жизни. Через несколько минут в дом попала авиационная бомба. В эту ночь британскими лётчиками был полностью разрушен исторический центр города. К счастью для мальчика, остались живы его бабушка и дедушка. Их дом находился в другом конце города. Мальчик часто навещал своих родственников. Младший Вольф очень любил своих бабушку и дедушку, большую ценность в их доме для него представлял аккордеон Hohner. Новенький, пахнущий кожей, а какого прекрасного цвета, столько было оттенков красного, что невозможно было их сосчитать! Белые и чёрные клавиши, — а как они божественно звучали, когда мальчик нажимал на них своими пальчиками! У инструмента был свой характер и неповторимый голос. Джорг играл на нём, разговаривал с инструментом. Мальчик рос один в семье, аккордеон заменял в некоторой степени ему общение с друзьями.

***

После той страшной бомбёжки Джорг Вольф остался сиротой. Мать осталась навсегда в доме, а отец погиб в далёкой России на восточном фронте. Мама говорила сыну, что

его отец погиб под каким-то русским городом Groß Zwiebel. Мальчик не сомневался, что во всём виноваты русские. Погиб отец, нет матери. Геббельсовская пропаганда делала своё дело, жители города боялись русских. То, что город бомбили не русские, а их союзники, не имело для немцев значения. Все обвиняли только русских. Джорг вступил в ряды гитлерюгенда. Он был уверен, что делает благое дело, уничтожит русских и отомстит за отца и мать. Война подходила к концу, всем был ясен её итог, но подростки верили, что они остановят русских и их фюрер выиграет войну...

***

Вчера, когда фельдфебель Ганс выводил на позицию Джорга, сказал ему:

— Помни, сынок, завтра нападут русские, они убили твою мать и отца, уничтожь их. Покажи, на что ты способен. Фюрер верит в тебя. Смотри правильно сделай выстрел из фаустпатрона. Если неправильно выстрелить, то может быть рикошет от башни танка. У тебя на вооружении старая модель оружия. Вначале пойдёт в бой пехота, ты её пропусти, затем бей по русскому танку. Стрелял ли ты хоть раз?

— Нет. Русских я боюсь, — ответил подросток.

— Ну, ничего страшного, верь в фюрера, — закончил Ганс.

***

В армии фюрера служили неплохие психологи. Они оставили погибать подростка рядом с квартирой его бабушки и дедушки.

— Запомни, солдат, ты воюешь за фюрера, а защищаешь дом своих родственников, — говорили ему офицеры.

Наступала ночь, скоро начнётся штурм города. Джорг стоял около окна. Если посмотреть на него с одной стороны, фанатичный подросток, верующий в своего больного,

мерзкого фюрера. Считает своё дело правым и благородным. Готов убивать советских солдат, которые несут ему освобождение от нечистого и мерзкого в его жизни. С другой, — мальчик со сломанной, исковерканной пропагандой психикой.

Стоит Вольф, и лезут ему в голову разные страшные мысли: то русские представляются ему людьми с двумя головами, то советские солдаты едут на медведях, а рядом движутся танки. Легко воевать с русскими, когда они далеко. Можно представлять, как ты один убиваешь целую роту солдат. Другое дело, когда они завтра утром придут.

Наступало утро. Вдруг возникла такая канонада, что Вольф закрыл уши, заплакал и рухнул на пол здания. Стали рушиться стены дома. Возникли пожары и задымления. Кругом треск, шум, крики, мат. Полнейшая неразбериха. Рядом рухнула стена. Джорга осыпало кусками штукатурки и кирпича. Дышать стало невозможно. Вольф пропустил и не заметил, как появились русские. Как они взорвали дот, где остался Ганс и его три друга.

«Неужели я не убью ни одного русского? — подумал Джорг. — Нет, нельзя, надо встать и идти, в меня верит фюрер».

***

Джорг осмотрелся, увидел на полу брошенный им фаустпатрон. Рядом валялся его автомат.

«Пойду выполню свой долг», — решил Вольф.

Встать было сложно, но подросток приподнялся. Посмотрел, увидел советский танк. Пристроил к плечу фаустпатрон и выстрелил...

Он ждал русских, он знал, они не простят ему подбитого танка. Русские придут и убьют его. Ему уже не хотелось жить. Подросток устал, он считал, что всё сделал в жизни. Жаль было только дедушку с бабушкой, которые остались в подвале дома, да аккордеон, который они вынесли с собой.

Поэтому, когда он увидел молодого советского солдата, Джорг не удивился. Ждал только, когда солдат выстрелит и закончит для него эту страшную войну. Всё справедливо, раз я стрелял в вас, вы должны убить меня — так думал подросток...

***

Борис приподнял свой автомат чуть повыше, чтобы лучше прицелиться, и медленно и осторожно, оглядываясь по сторонам, пошёл в сторону обрушившегося дома. Все нервы были напряжены до предела. Начиналась игра со смертью. Кто кого победит. Вся близлежащая территория просматривалась через прицел его автомата. Палец солдата лежал на спусковом крючке, готовый в любой момент нажать на него. Бородай замедленно вошёл в дом. В первой квартире дома никого не было, хотя трудно было назвать эти развалины квартирой. Из-под обрушившейся стены торчал ствол искорёженного пулемёта. Борис, понемногу продвигаясь, прошёл во второе помещение. В прицеле его автомата возник силуэт врага. Необходимо было мгновенно нажать на спуск автомата — и навстречу врагу полетят огненные струи, которые разрежут его тело на кусочки, навсегда уничтожат в них жизнь. Но Борис был опытным воином, он успел разглядеть, что перед ним стоит мальчишка. Рыдающий, весь трясущийся от приближения неминуемой смерти. Советский солдат опустил автомат...

***

Джорг потерял ощущение времени, когда увидел направленный на него автомат. С покорностью судьбе ждал выстрела от русского. Казалось, прошла вечность, миллионы лет, как русский здесь появился, а с ним пришла смерть. Пролетали в детском восприятии столетия, а русский не стрелял. Джорга вдруг охватило страстное желание жить, быть

на этом свете хотела каждая клеточка его тела. Только слово «жить» пульсировало в его мозгу. Он превратился в маленького мальчика, зарыдал и весь затрясся от страха. Вольф никогда не понимал, как он, оказывается, любит жизнь. Ему уже нравилось всё в этой жизни: война, страдания, этот русский, — лишь бы всё это видеть в своей жизни. Только бы жить!

«Русский, я хочу жить! — хотелось крикнуть этому солдату. — Не убивай меня», — мысли роями носились в голове у подростка.

Но русский сам, как будто прочитал мысли, опустил автомат...

***

Борис подошёл к Джоргу. Осмотрел его.

— Да, пацан, повезло тебе. Будешь жить. Пойдём, я отведу тебя в подвал. Там сейчас собирают пленных, — сказал Бородай.

Вольф поднял руки. Борис осмотрел подростка: нет ли оружия? Оружия не было.

— Опустите руки, пойдём, — проговорил советский солдат. Вместе Борис и Джорг Вольф направились в подвальное помещение.

***

Вольф оторопел, когда увидел, что русский солдат опускает автомат.

«Этого не может быть! Ведь я стрелял в их танк. Он должен был в меня стрелять. Почему не стал? Ведь я его считал почти зверем. А он выше и чище меня! Меня пожалел и простил, а я бы не смог. Получается, все германские разговоры о злодеяниях русских — ложь. Мне говорили, что, когда погибла мама, бомбили британцы, а я не верил. Выходит, правда, если русский не убил меня, получается, они не мог-

ли уничтожать мирное население. Но главное — я буду жить, несмотря ни на какие обстоятельства. Пусть фюрер и гитлерюгенд живут без меня», — думал Джорг.

Каждая частичка организма Вольфа радовалась жизни. Всё, казалось, было озарено солнцем. Было ощущение, что он снова родился и из-за угла сейчас выбегут его любимые папа и мама. Война куда-то улетела. Не было выстрелов, боли и страданий. Набежала волна счастья. Разрушенный дом превратился в дворец. По этому дворцу шёл русский богатырь. Будто в замедленной съёмке, Джорг видел, как подошёл этот русский. Что-то сказал ему, и они, как давно знакомые люди, пошли в таинственный мир.

***

«Скорей бы сдать этого подростка и посмотреть, что там делается в полку», — думал Бородай.

«Хорошо, хоть никого не убил этот вояка, — продолжал размышлять Борис. — Довёл Гитлер страну до ручки. Дети воюют. Скорей бы всё это закончилось».

***

«Я буду жить. Как прекрасно! Сейчас увижу дедушку и бабушку. Они, наверное, меня уже похоронили, когда слышали этот взрыв и стрельбу, — размышлял Вольф. — Все мы люди, и хорошо, что меня русский не убил».

Так, каждый думая о своём, Борис и Вольф спустились в подвал. Здесь вопросами размещения пленных и их приёма ведал немолодой капитан.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться! — крикнул Бородай.

- Обращайтесь.
- Привёл пленного, разрешите оставить?
- Оставляйте.
- Разрешите идти.

— Бегом в бой! — крикнул капитан.

Немного помедлил Борис, чтобы закурить. Достал трофейные папиросы. Закурил и с удовольствием затянулся.

«Кто знает, может, это последняя папироса в жизни», — подумал солдат.

***

Когда Джорга ввели в подвал, он на короткое время стал хуже видеть из-за плохого освещения. Поэтому не разглядел людей, столпившихся в подвале. Тем неожиданной был для него крик:

— Джорги, внучок, живой! Беги быстрее к нам! Мы твой любимый аккордеон взяли с собой. Он с нами.

— Аккордеон мы отдадим русскому.

— Какому русскому?

— Который меня привёл и курит у двери.

— Почему?

— Он мне спас жизнь. Потом объясню, — чуть слышно ответил Джорг.

Глава предпоследняя. Ефиопская

Железнодорожный вокзал — одно из самых гуманных и нужных изобретений человечества. Многие находят здесь приют. Даже странник может остаться переночевать.

Много лет назад эта железнодорожная станция входила в состав Петербурго-Вологодской железной дороги. С 1907 года получила название Николаевской, прошло чуть больше десяти лет — и стала называться Октябрьской железной дорогой. Вокзал был построен в 1906 году. Был уже на дворе 1987 год, а станция стояла. Джорг не мог никогда потом вспомнить: зачем он вышел на этой станции с неизвестным именем Ефиопская?

Может быть, что-то почувствовал, а может, была случайность.

***

Здание вокзала было типичной постройкой для своей эпохи. Архитектор расположил все отделения вокзала по симметричному плану. Вестибюль с двумя входами располагался посередине. По бокам были построены павильоны для ожидания, служебные помещения и кассы. Год открытия вокзала — 1907-й. В начале прошлого века существовали различные классы общества, для их различного обслуживания были построены два зала ожидания: для пассажиров первого и второго класса. Когда Вольф зашёл в вокзал, левая дверь, ведущая в зал ожидания 1-го класса, была закрыта, правая — открыта настежь. Много за свою жизнь вокзал перевидал пассажиров. Когда его красили, никто не помнил. Здание приобрело грязный тёмно-зелёный цвет. Может быть, тот, кто последним занимался покраской вокзала, уже ушёл в мир иной. Крышу обрамляли восемь кирпичных труб. Как только открывали дверь, раздавался столь ужасный скрип, что казалось, будто ржавая пружина ровесница вокзалу. Наверное, это предположение было недалеко от истины. При входе в здание вокзала справа находилась комната дежурного по станции. В этой комнатухе стоял топчан, на котором спал дежурный. Если пройти немного вперёд, то попадёшь в небольшую комнатку, где расположилась касса по продаже автобусных билетов. Окно кассы очень маленькое. Почему оно было такой формы, неизвестно. Возможно, чтобы пассажир низко наклонялся, когда спрашивал о чём-либо кассира. Стекло у маленького окошечка было треснувшим и засиженным мухами, — хорошо, что оно вообще было. Рама окна оставалась неокрашенной со времён её изготовления. Справа от окна висело расписание автобусов. Висело оно так давно, что прочесть названия маршрутов было большой удачей. Слева находился зал ожидания — комната прямоугольной формы. По краям её располагались две печки, которые коптили при топке и были черны от копоти и грязи. В середине зала размещались кресла для отдыха пассажиров.

Они только так назывались, имея мало общего с креслами. Эти сооружения — «апофеоз инженерной мысли» — представляли собой изогнутую фанеру, заключённую в металлические трубы. Фанера была при изготовлении покрыта лаком, но со временем лак местами сошёл. Все кресла стояли исписанные, большей частью нецензурными словами. Пол зала лет восемьдесят назад был красив, покрыт плиткой. Сейчас пол открывался взору грязным, оплёванным шелухой. Потолок зала очень давно был побелен, но белого цвета уже не осталось, — он стал серым от вечно чадающих печек. На потолке встречались удивительным образом сгоревшие спички внутри чёрных пятен. Как они там оказывались, неизвестно. На креслах спали или просто сидели в ожидании люди разных возрастов, разного социального положения.

***

Вольф окинул равнодушным взглядом кресла. На одном из них лежал пьяный человек, инвалид без ноги. Бормотал что-то себе под нос. Другое занимал человек небольшого роста, невымытый и нечёсанный, голова его постоянно тряслась, с выпуклыми глазами, почти лысый, лицо обрамляла седая включенная борода. Взгляд Джорга остановился на этом больном, брошенном всеми человеке. Внутри у немецкого музыканта что-то щёлкнуло, как будто грянул гром и сверкнула молния. Возникли такие чувства и ощущения, что невозможно описать словами. Джорг понял: произошло необъяснимое и чудесное. Память его сработала как автоматическое устройство и унесла Джорга в далёкий 1945 год на его родину, в любимый Кёнигсберг. Перед внутренним взором поплыло видение, как он стоит, весь сжавшийся, трясущийся, боязливый мальчик, ждущий своей смерти. Навстречу идёт русский богатырь. Спасает его и дарит жизнь, а значит — Вселенную и мироздание!

***

Джорг подходит к Борису и легонько трогает его за плечо.

— Вы меня видите?

— Что тебе надо?! Ты кто? Я тебя не знаю! — ответил Борис.

Бородай уже почти потерял зрение и полагается только на слух.

— Как вас зовут?

— Какое это теперь имеет значение и смысл?

— Вам нельзя здесь оставаться, уходите домой.

— Мне некуда идти, это мой дом, здесь я скоро умру.

Лихорадочно побежали мысли у Джорга.

«Надо что-то делать. Его надо спасать. Чем я могу ему помочь? Забрать с собою? Куда? Оставить здесь? Ведь он может и вправду погибнуть! Не может мой спаситель так умереть в этом грязном отвратительном помещении. Надо спасти человека!»

— Полежите пока здесь, — сказал Джорг Борису, а сам побежал к кассе.

— Поезд на Свердловск уже ушёл? — спросил Вольф у дежурного по станции, заглянув в окошко.

— Да, пять минут назад, — ответили ему.

— Я немецкий музыкант, вызовите представителя вашей власти, врача, адвоката. Буду иметь с ними разговор.

— Вы иностранец?

— Да.

У советского народа было странное чувство ко всем иностранцам. Многие смотрели на них с неким восторгом, считая людьми необыкновенными. Наверное, это происходило потому, что большинство жителей Советского Союза не выезжали за границу и не имели никаких контактов с иностранцами.

Через полчаса подъехал мотоцикл «Днепр», на нём приехали начальник милиции, председатель исполкома и врач больницы.

— Я немецкий музыкант Джорг Вольф.

— Начальник милиции капитан Добрынин Сергей Николаевич.

— Председатель исполкома, член КПСС Снегирёв Евгений Николаевич.

— Врач местной больницы Семёнова Галина Семёновна.

— Прежде всего меня интересует судьба этого человека. Пройдёмте в ваш так называемый вокзал. Если это можно назвать вокзалом, — сказал музыкант.

Джорг подвёл группу людей к Бородаю.

— Это кто? — спросил он.

— А, это человек без определённого места жительства и занятий — Бородай Борис Макарович. Он вам мешает? Мы его можем отсюда убрать, — ответил начальник милиции.

— Нет, мне необходимо, чтобы его осмотрел врач, назначил лечение, определили его в лучшую гостиницу до моего приезда. Почему с вами нет адвоката?

— У нас в СССР адвокат по вызову не работает. Это всё ваши буржуйские замашки, — произнёс Снегирёв.

— Во-первых, я не знаю слово «буржуйские», я живу в ФРГ. Во-вторых, сообщите моему импресарию, я немного задержусь, — взволнованно сказал Джорг. — Вот его телефон.

Музыкант протянул визитку. Появление визитки вызвало некое волнение в рядах советских граждан. Они никогда в жизни не видели визиток. Им проще и понятней были плакаты и объявления. Каждый из троих стремился разглядеть, что изображено на визитке. На этом прямоугольном листке, изготовленном из высококачественной бумаги, был изображён красный аккордеон Hohner на фоне скрипичного ключа. В правом верхнем углу был расположен герб города Кёнигсберг. На груди чёрного королевского орла были размещены три небольших герба. Слева зелёный герб с изображением посередине руки, держащей корону, по бокам два музыкальных рожка. В центре герб, разделённый наполовину: сверху на белом фоне красная корона, снизу на красном фоне белый крест. Справа герб голубого цвета с жёлтой ко-

роной и двумя белыми шестиконечными звёздами.

— Смотрите, здесь изображена гармошка и герб какого-то города, видимо, Берлина, а ещё символы, может быть, клинопись, — со знанием дела произнёс Снегирёв Евгений Николаевич.

— Нет, это, сразу видно, баян, а герб города Смоленска, — сказал Добрынин.

— Название инструмента я не знаю, а герб города — точно Кёнигсберга, — поддержала разговор Семёнова.

— Откуда ты знаешь? — хором спросили её русские мужчины.

— Отец мой рассказывал, брал этот город, пришёл весь израненный, без руки.

— В каких войсках он воевал? — спросил Добрынин.

— Да механиком-водителем в танке был. Танк подбили. Ведь я в медицину пошла, чтобы отцу помочь, болел очень. Лет десять назад умер, — ответила Семёнова.

— Мой военным прокурором был, весь в орденах пришёл. Сейчас заслуженный человек, на пенсии, — с гордостью сказал Добрынин.

— А мой воевал замполитом, тоже весь в орденах, — молвил Снегирёв.

— А посмотрите, получается, мы все продолжили в какой-то мере дело отцов, — подытожила разговор Галина Семёновна.

***

Внимательно слушал Вольф беседу русских людей, затем продолжил разговор.

— Итак, я продолжаю. Определите этого человека в лучший отель, обязательно с бассейном. Наймите парикмахера и стилиста. Оденьте в дорогой костюм и лучшие одежды. Питание организуйте по высшему разряду, в лучшем ресторане. Наймите службу, личного врача и повара. Поставьте личную охрану. Мне за всё вышлите счёт. Я всё оплачу.

Стоял холёный музыкант в прекрасной, дорогой одежде, поигрывая ключами, и ждал ответа от представителей власти. На этой грязной станции немецкий музыкант выглядел чем-то инородным и правда как будто был пришельцем из другого мира.

— Да, я забыл вас спросить, этот человек лежит около предмета круглой формы. Неужели у вас ещё на вокзалах сохранились печки? Я уже давно их не видел, — спросил музыкант.

***

«Что он там говорит какие-то непонятные вещи? — размышлял Добрынин. — Многое ему не понять. Кто такой стилист? Какая личная охрана, врач, повар? Они там в ФРГ все с ума сошли. А одет-то он как! Во всё не наше, заграничное! Ясно, иностранец. А как мы одеты? Всю свою жизнь ходим в рабочей одежде или в старой форме.

Разве ему объяснишь, что у нас здесь нет ресторана. Только общественная столовая, в которой кормят неизвестно чем. Нет у нас ресторана, нет отеля с бассейном. Какая охрана? Я буду, что ли, охранять Бородая? Он думает, мы здесь всё это имеем в наличии...»

Вдалеке зазвучал гудок тепловоза.

«Мы разговариваем с этим иностранцем. У меня создается впечатление, как будто мы с разных планет. Залетел к нам на грешную Землю инопланетянин и остался жить, а понять ничего не может. Послать бы этого немца куда подальше... Нельзя! Придётся мило улыбаться. Прислать ему счёт? Привык, наверное, есть в ресторане. Какие ему я выпишу счета на Бородая? Как оформлю? Засмеют меня. У них всё на деньги меряют, а у нас всё по совести. Хотя если мы все довели участника войны Бородая Бориса Макаровича до такого состояния, то что можно говорить о нашей совести? Бородай, впрочем, сам виноват, никто ему водку в рот не лил...»

«Здание нашей парикмахерской какое-то мерзкое», — не к месту вдруг вспомнил Добрынин.

«Ладно, не буду отвлекаться, — продолжал размышлять капитан милиции. — Вот отвезу его в вытрезвитель, там помогут Бородая, хотя сколько раз его уже туда возили... Затем покормлю в нашей столовой. Несколько десятков раз кормили. Надо узнать, когда немец обратно поедет. Тогда определю Бородая в Дом колхозника. А так — какие счета? Кто выпишет талоны на питание, и за Дом колхозника кто будет платить? Необходимо найти родственников этого Бориса. Хотя вроде как, помню, все от него давно отказались. А то уже немцы нам указывают. Как бы не разразился какой-нибудь конфликт. Дался ему этот Бородай! Нужно дать разгон дежурному по станции, что этот у него валяется! А может, не надо? Какая разница! Скорей бы уж уехал этот Вольф... Какие разные у людей судьбы!»

Глава последняя. Дорога

Лежал Борис, помытый, выбритый, в тёплой комнате. Болело у него всё тело, казалось, не было органа, который не кричал бы о своей боли. Давненько Борис не отдыхал в таких условиях. Очень сильно болели ноги, казалось, будто некто вытаскивает жилы из ног, наматывая их на страшную катушку, вращая её. Но сильнее всего жгло тело желание употребить спиртное. Хоть капельку, хоть росиночку. Внутри так горело, что казалось, будто там находится доменная печь и выжигает все внутренние органы.

«Эх, выпить бы сейчас и забыть обо всём», — мечтал Борис.

Через небольшой промежуток времени вдруг ушли куда-то все боли. Появилась ясность мышления. Лежать стало легко и радостно. Понял Борис, что он скоро уйдёт в неизвестность, осталось ему только подготовиться и проанализировать свою нелёгкую жизнь. Хотя у кого жизнь бывает лёгкой?

Необходимо было в его прожитой жизни найти ту границу, переступив за которую он начал движение вниз. Как он, участник войны, музыкант с консерваторским образованием, записывающийся на всесоюзном радио в Москве, дошёл до такого ужасного состояния? Умирает в неизвестном, далёком от его места рождения посёлке. У него было всё — жена, дочь, квартира, деньги, слава, — и вот такой тяжёлый конец жизни. Когда в нём поселилась та тёмная сила, которая подвела его к самоуничтожению? Где был сделан тот роковой шаг? Как, оказывается, легко споткнуться в жизни! В какой же период жизни он стал падать, а не расти?

***

Вспомнилась война. Воевал он честно, за спины не прятался, что остался жить — так это просто чудо. Кровь, боль, тяжёлая, выматывающая все силы работа, терпение невзгод и бесконечное ожидание конца войны — вот его воспоминания о войне. После Великой Победы всепоглощающая радость и счастье жизни. Остался с войны немецкий аккордеон. «Нет, в тот период жизни всё сделал правильно, — рассуждал Борис. — Не было в этот промежуток времени лжи, обмана и лицемерия».

«Оказывается, мне на войне остаться человеком было легче, чем потом в мирной жизни», — мелькнула мысль у Борода.

После войны — поступление в консерваторию. Учёба и мирная жизнь. Женитьба, рождение дочери. Интриги в оркестре.

«Ладно, всё было хорошо в этот период», — решил Борис.

— Нет, это не соответствует действительности, — проснулся внутри его голос.

«Почему?» — спросил Бородай.

— Ты променял свой талант и всю жизнь на спиртное. Ты же почти постоянно пил! Дочка твоя в детстве делала записи в дневник трезвости, учитывая, сколько дней ты был

трезвым. Чаще всего без распития спиртных напитков проходило три-четыре дня в месяц, — отвечал голос.

«Но я любил жену и дочь», — старался оправдаться Борис.

— Ложь. Алкоголик любит только себя, точнее — своё ненасытное тело. Он эгоист. Главная цель и смысл его жизни — удовлетворить своё желание. Желание примитивное — распитие алкогольных напитков. Постепенно искушение берёт верх над человеком. Такой человек себе не принадлежит, его господин — желание, причём единственное. Все помыслы и надежды алкоголика устремлены только в одном направлении. Неужели ты не понял, что когда желание человека преобладает над его волей, то в нём одерживает верх его животная часть, а когда он проявляет волю — то божеская его часть. Волю свою ты уничтожил полностью, значит, ты двигался от Бога. Бог помогает только в делах божеских, а божеские дела только те, которые идут на развитие — твоё и людей, а не на разрушение, — продолжал говорить голос.

«У меня была очень тяжёлая жизнь», — старался заглушить в себе голос Борис, но не мог.

— Ты решил, что твоё желание важнее всех желаний близких. Великое множество раз у вас в семье происходили скандалы из-за твоего пьянства.

— Мама, почему ты бьёшь папу? — часто спрашивала дочь.

— Чтобы он не пил, — отвечала твоя супруга.

— Папа, почему ты пьёшь? — спрашивала у тебя.

— Пью, так как Тамарка бьёт, — отвечал ты.

— Неужели ты думаешь, что ребёнок мог разобраться в ваших отношениях? — говорил голос. — А помнишь, как дочка ложилась прямо на тебя, чтобы защитить от ударов жены твоё тело? А сколько раз она вас разнимала! Всегда вы с супругой думали больше о себе, чем о ребёнке, — продолжал голос.

Голос совести немного затих. Борис продолжил вспоминать свою жизнь.

«За прогулы меня выгнали из оркестра, затем ушла жена. Докатился до работы учителем пения в глухой деревенской школе, а затем и оттуда выгнали. Впоследствии продал самое дорогое, что у меня было, — это аккордеон. Продав за литр водки, хотя не только инструмент продал, а предал музыку и друга. Ведь этот немецкий аккордеон я привёз с войны...

Конечно, я узнал парня. Красив стал — наверное, музыкант, но разве я мог ему признаться? Сказать, что продал его аккордеон, ослаб и сдался жизни... Предал музыку и себя... Пусть лучше не узнает ничего», — подытожил свои мысли Борис.

***

Видно, в последний день Бориса кто-то решил дать ему возможность увидеть мир ярче и лучше. Бородай огляделся, увидел старый дубовый стол, обшарпанный дощатый пол. На столе лежали старые очки, вместо дужки обмотанные проволокой. Старик дотянулся и надел их. Мир стал намного ближе. Бородай радовался жизни. На стене, куда он бросил взгляд, были прибиты полочки, на них лежали произведения неизвестных Борису авторов. Особенно привлекли внимание старика две книги. Борис взял одну книгу без обложки, решив её почитать. Много лет не брал он книгу в руки. По-немногу стал вчитываться.

«...Те, кто будет пить спиртное, впадут в безумие и станут неводержанны в делах тела, речи и сознания. Будут болтать пустые, непристойные и грубые слова. В душе своей взлелеют все пороки, в том числе похоть, гнев, невежество, гордыню, скупость и зависть. Если пристраститься к пьянству, то:

Во-первых, физическая сила пойдёт на убыль.

Во-вторых, лицо станет некрасивым, покроется морщинами, исхудает и огрубеет.

В-третьих, язык закоснеет и будет нести вздор.

В-четвёртых, ум отупеет.

В-пятых, умрёте, не зная, какие несчастья принесут людям ваши поступки.

В-шестых, все вас будут презирать и, увидев, говорить: "Вот явился этот назойливый пьяница".

В-седьмых...»

— Всё правильно, — вздохнул Борис и отложил книгу.

Старик протянул ослабевшую руку за второй книгой. Слабый и тихий, он продолжал читать.

«Вели с Ним на смерть и двух злодеев. И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону...

Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас.

Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осуждён на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

(Лук. 23:32 – 43)

Упала книга из ослабевших рук Бориса. В комнату неслышно вошли...

15.06.2020

Юрий Иванников

г. Семилуки, Воронежская область

ТВОЯ ДУША

*Капли на лице –
Может, это дождь,
А может, плачу это я...*

Ю. Шевчук

Сегодня всю ночь льёт дождь, и мне не спится. Капли падают с крыши, и кажется, что это какая-то таинственная незнакомка стучит каблучками, удаляясь от моего дома в неизвестность. Она словно сошла с картины Крамского, образ её узнаваем и близок. А может, это счастье тихо и незаметно покидает меня в ночи...

Счастье... Был ли я когда-нибудь счастлив, дай вспомнить!

Горячее августовское лето. Тебе двенадцать лет. Ты просыпаешься на рассвете, и твоя неутомимая мальчишеская душа, твои любопытные и удивляющиеся этому миру глаза, нетерпеливые ноги вытаскивают тебя из дома. И ты уже шагаешь по росистой утренней траве, звенящая тишина так осязаема, что кажется, можно её потрогать, такая, что слышишь стук собственного сердца. Этот потрясающий художник – природа рисует перед твоими глазами светлое небо, каждую минуту меняя цвета своих акварелей, так, что ты не перестаёшь удивляться этой волшебной красоте. Птицы робко подают свои голоса, вначале тихонько, дальше смелее, расппеваются так чисто, нежно, трепетно, что вряд ли найдётся в мире такой композитор, который смог бы повторить столь прекрасные звуки. Ты не можешь осознать, объяснить своими мыслями, только чувствуешь, как в твоё сердце с пением этих птиц тихонько, незаметно, по каплям вливается любовь этого мира, этой волшебной природы, в которой ты живёшь.

Ты бредёшь босыми ногами по пыльной степной траве, солнце порхнуло и посылает тебе своё волшебное тепло. На тебе завёрнутые на два оборота штанишки, клетчатая рубашка, удочка за плечами. Ветерок мягко ворошит твои выцветшие на солнце белые вихры, ты вдруг останавливаешься и опускаешься на колени. Степной муравейник возле посадки. Ты протягиваешь руку, и десяток неутомимых тружеников живо бегут по твоей ладонке, щекотно, славно, весело, душа замирает, пока один из них не подарит тебе первый укус. Тебе больно и смешно, начинаешь лихорадочно стряхивать муравьишек. Потом долго смотришь за их на первый взгляд хаотическими перемещениями. Зачем они такие? Почему они не как люди? Они бывают счастливыми? Сламываешь травинку, опускаешь на муравейник, а потом долго слизываешь сладкую кислоту. Сладко на душе.

Твой взгляд отвлекает зелёный кузнечик. Ставишь ладонь на его пути, он резко взлетает в небо и исчезает. Ты обнаруживаешь, что эти прыгунки наполняют всю степь весёлым стрекотанием, цокотом, и открываешь вдруг, что вся степь поёт, что ликует всякое существо, живущее в этой траве, под каждым кустиком чертополоха, полыни, бузины или жимолости. И чувствуешь, как душа твоя взлетает и сладко сливается с этим стройным многоголосьем многотысячного хора.

Твои ноги весело спускаются в низинку, на дне которой откуда-то, всегда таинственно, волшебным и необъяснимо, выныривает и начинает мягко струиться среди нежнейшей изумрудной травки тоненький хрустальный ручеёк. Игру небесного оркестра неожиданно прерывают резкие и тревожные крики стражей — ручьевых чибисов.

— Чьи вы? Чьи вы? — повторяют они вновь и вновь, словно боятся, что нарушишь, сломаешь ты эту волшебную гармонию божьего мира, открытого и подаренного твоим наивным и восторженным глазам.

Не утерпев, спускаешься в ручей и обжигаешься его ледяной водой, скачешь от радости, брызги летят, орошая великолепный природный ковёр из трав. Кажется, в нём сотни зелёных оттенков. Ноги ломит от холода, и ты выпрыгиваешь из прозрачной влаги, избегаешь опять в полное волшебных цветов поле. Они благоухают, твои лёгкие начинают сладко пить нежные ароматы клевера, чабреца, жёлтого донника и горькой полыни. Ты не догадываешься, что степь и есть твоя первая любовь, твоя малая и великая Родина, что, где бы ты ни оказался после, в какой бы стране, в какой бы земле, твоё сердце уже ничто не наполнит таким вселенским счастьем.

Разве только звон колокола да сладчайшие ноты церковного хора, когда слёзы текут по твоему лицу — сладко ли, горько ли?

Катя Иванова

г. Троицк, Челябинская область

МЕЧТЫ

Мечтаю я сегодня о тебе,
Твой баритон услышать при луне,
Обнять тебя и целовать —
И ни за что не отпускать.

Мечтаю в сказочной стране
Стать верной спутницей тебе,
Вдвоём у моря встречать рассветы...
Один вопрос: а нынче где ты?

Мечты, мечты, и в них, конечно, ты!
Наш кофе крепкий по утрам,
Цветные сны, мои мечты
И сердца сладостный дурман.

И как случилось, не понять!
Пришлось тебя мне потерять!
И горе злое раны точит,
А воспалённый мозг признать не хочет

Реальность, падшую извне,
Портрет твой на моём столе,
Где лента фото огибает
И чернотой своей пугает!

Март 2019 г.

НЕ ЖДУ Я АЛЫХ ПАРУСОВ

Нет, не жду я алых парусов,
Принцев, рыцарей и кавалеров,
Сама пустилась в море,
И парус от штормов
Вскоре станет белым-белым.

Года летят, ветра поклонников смели,
Что в юности моей когда-то были!
Сама на яхте жизненной плыву,
И бури нипочём мне наяву!

Апрель 2019 г.

ССОРА

Недавно с тобою были вместе,
Смотрела я в любимые глаза.
Теперь звучит разлуки нашей песня,
Слов нет хоть что-нибудь сказать.

Глотаю я утайкой слёзы,
Как хорошо, что ты не видишь их.
А в сердце боль, как будто там занозы.
И силы нет ту боль забыть...

Ревность выросла преградой,
Холодной невидимой стеной.
Ушёл — и ты теперь не рядом,
Но сердцем я всегда с тобой.

Январь 2020 г.

Я СТАР И БОЛЕН...

Я стар и болен, ветхое пальто.
Плетусь один, и рядом никого...
Беззубым ртом глодаю сухой сухарь.
Дерёт мне горло горькая печаль.

Течёт слеза от ледяного ветра,
Сумерки повисли рваным фетром.
Продрог от холода. Не нужен никому!
Один себе в безмолвии бреду.

В душей моей озябшей —
Печаль и пустота.
Жизнь подошла к закату...
И вот иду я в никуда!

Февраль 2020 г.

Марина Красавина

г. Коломна, Московская область

* * *

*Я снова возвращаюсь в Яд ва-Шем...
Оттуда дороги нет.*

Шмерке Качергинский

«Яд ва-Шем» (Yad Vashem) означает «Память и имя» – это слова пророка Исайи: «Им дам Я в доме моём и в стенах моих память и имя... которые не изгладятся» (Ис. 56:5)

Я снова возвращаюсь в Яд ва-Шем...
И босиком по выжженной дороге
Иду вослед страшнейшей из систем,
Чтоб смысл понять в бессвязном монологе.

Не памятник, не храм и не музей –
Истории нетленная страница.
Мартиролог из судеб и вещей,
Что пережили и века, и лица.

А звуки слов несказанных хрустят,
Слезам невыплаканным в сердце тесно...
И соплеменники мои уходят в ад
Печей из сотен гетто.

Оставив нам лишь Вечность как залог,
Они исчезли, обратившись в пепел.
Шесть миллионов – с вами только Бог...
И вереницы боли, страха, смерти.

Чугунных рельсов страшная петля...
Страницы обгоревшей Торы...
Звезда Давида – вечная заря
Над тишины глухим забором...

Шесть миллионов. Где они теперь?
Какие ожидания померкли?
Огромная во тьме отверзлась дверь —
И горы тёплого седого пепла.

Их не спасли. И прах не оживить...
Но, может быть, пришествие Мессии,
Коснувшись дланью, Чудо сотворит,
И мы услышим голоса родные.

На всех наречьях — слово «иудей»...
Печные отблески лежат на серых плитах...
Здесь молятся за взрослых и детей
И плачут о загубленных невинно...

Я вновь войду под своды Яд ва-Шем,
Увижу всех евреев мира лица,
И преисподней откровенный зев,
И купол неба.
И дождя ресницы.

2019

СПИНАЛОНГА

*Это был путь в один конец
для начала некой новой жизни.*

Виктория Хислоп

Здесь тишина и яркий солнца свет.
Здесь голоса приглушены невольно.
Таинственный печальный остров Спиналонга...
Здесь тишина и яркий солнца свет...

Могучий остров, крепость, «длинный шип».
Ад на земле в объятьях Мирабелло.
И жизнь текла как вызов — параллельно...
Могучий остров, крепость, «длинный шип».

Оливы тонконогие росли,
Благоухали розы, смоква, мальвы,
А вереницы шли в «ворота Данте»...
Оливы тонконогие росли.

Здесь прокажённые владели жребий свой,
Людьми отверженные, мертвецы живые.
На Бога возроптавшие впервые.
Здесь прокажённые владели жребий свой.

И днём и ночью щекотал пролив
Подножье острова беспечно.
А время покрывало подопечных...
И днём и ночью щекотал пролив.

Ах, как нужна была чистейшая вода:
Омыть незаживающие язвы.
Пока дыханье жизни не угасло,
Ах, как нужна была чистейшая вода!

Здесь плакали от боли в свой черёд,
В последний путь соседей провожая.
И в скорби долгой понимая,
Что миг последний недалёк.

Смотрело небо в чистую волну,
Казались облака родным посланьем.
Здесь стрелы голосов — как из колчана.
И рвётся тишина, вспорхнув.

2019

*Греция, Крит, о. Спиналонга –
Москва – Коломна*

Жанна Куат

г. Санкт-Петербург

* * *

Мне бы на вечер туда,
Где наш домик уютный, тёплый.
Где папа — настолько высокий,
Что подбросит меня к облакам!
На дубовую трость опираясь,
Бабушка пока ещё рядом.
А за покрытым снегом садом
Спят дружные ещё соседи.
Я маленькая, в тёплой постели,
Нежась от маминой ласки,
Папины слушаю сказки
Про мечты, что сбываются просто...
...Где на мои миллион вопросов
Терпеливо находят ответ.
Где плохих пока ещё нет.
А с той девочкой с соседней улицы
Мы подруги — не разлей вода.
Где все, кого знаешь, — друзья
И взрослые добрые очень.
Мне бы на вечер туда!..

Ирина Китрина

г. Москва

О НАС И О ЖИЗНИ

МОСКОВСКОЕ

Дорога дальняя диктует
Рисунок и сюжет стихов:
Колёса ритмами волнуют
И пробуждают без звонков.

Лишь утро — пассажиры к окнам!
Кругом — бескрайние поля,
Лес, станция, бензоколонка
И пирамиды-тополя.

За окнами пейзажи скачут,
Как будто чудо-лихачи,
Столбы извечные маячат,
А кое-где — и каланчи.

Но скоро город мой — столица,
Три километра — и Москва:
Толпа, метро и лица, лица...
И непожухлая трава...

Хоть наше лето на исходе —
У города чудесный вид:
Московской парковой природе
Народ СПАСИБО говорит.

Тут — ёлочка, а там — шиповник,
А здесь — рябины алой гроздь,
Боярышник, вдали — терновник:
Так — принято, так — повелось.

Так повелось — мы привыкаем
К тому, что город весь в цветах,
Оазисом, долиной, краем
Как не назвать его в стихах!

В стихах и песнях о столице,
Которую дождям омыть!
Кругом — толпа и лица, лица!
Как этот город не любить!

МОЙ БРЕГ

Меня совсем не тянет в горы,
На острова и в кутежи:
Гнездо — у птиц, у зверя — норы,
А у москвички — этажи.

Я свой отсчитываю браво —
Смотрю в знакомое окно:
Второй этаж, проём, что справа,
Моё жилище — вот оно.

Мой брег домашний, где так мило,
Так хлебосольно и тепло:
Лишь только бы не заштормило
И в снегопад не занесло.

Меня совсем не тянет к морю —
Я домоседкой родилась:
Лишь вижу дом — тепло во взоре —
К родному берегу добралась!

МОСКОВСКИЕ КИРПИЧИ

Как будто тонкою чертою,
Мир разделён на ОТ и ДО:
Бреду протоптанной тропою,
Кругом дома — коралл, бордо.

Таков кирпич, что долго служит,
Надоедает — но стоит,
Ещё годочков сорок сдюжит,
Но снос красавцу предстоит.

Возможно, правнуки дождутся
И в новостройках поживут,
Тропой протоптанной пройдутся —
И ностальгировать начнут.

Сначала — по Большой Почтовой,
Что как тихушница жила,
А позже — по Дороге Новой:
Она до Яузы вела.

Как будто тонкою чертою
Москва рекой разделена,
Иду знакомою тропою —
То золото, то желтизна.

Приходит осень — воды стыннут,
Качают листья и молчат...
Дома кирпичные — не сгинут...
Но цвет бордовый — мрачноват...

ЗА ОСОКОЙ

Вижу сквозь зелёную осоку
Чистопрудных вод волшебный свет,
Нравится пейзаж знакомый оку —
Детству безоглядному привет!

Раньше так не спустишься к водичке —
Маленький заборчик не пускал,
А вот хлебный мякиш по привычке
Каждый белым лебедям бросал.

Долетит кусочек к нашей птице —
Радуются взрослый и малыш,
А сейчас — к водичке лишь спуститься:
Хлеб бросаешь, думаешь, грустишь...

Вспоминаешь детство золотое,
Что на Чистопрудном провела:
Жаль, что годы те зовут застоём —
Чистая вода тогда текла!..

В КУСКОВО

На электричке — до Перово,
А там — ещё чуть-чуть пройти:
И вот оно, моё Кусково —
Усадьбы краше не найти!

Здесь всё овечно легендой —
Любви история звучит:
С теплом, сочувствием, надеждой
Наш гид о прошлом говорит.

На электричке — до Перово
Иль на метро — до Вешняков:
И вот оно, само Кусково —
Музей, усадьба, пристань, кров!

СНОВА – ОБ АВГУСТЕ

У августа своя примета —
Хрустящих яблок камертон!
В Москву! Домой! Купить билеты —
В зеленоватый сесть вагон!

Умчаться — от реки прозрачной
И от гудящих кораблей,
От серой лодочки невзрачной
И от тенистости полей!

Умчаться иль сбежать? Не знаю,
Вояж как этот мне назвать:
Я не от лета убегаю —
Я от себя хочу сбежать.

В себе надеясь разобраться
Под равномерный стук колёс,
Домой мне двое суток мчаться —
И думать — о тебе — всерьёз.

Я обо всём — всерьёз — не в шутку,
И о тебе — всерьёз, всерьёз:
Ещё часок, ещё минутка,
Ещё самой себе вопрос.

Ещё ответ — в стихах незрелых,
Ещё звезда, ещё гудок,
Ещё затон ромашек белых,
Ещё перрон, ещё звонок.

И вот — Москва! Я снова — дома!
А ты — как прежде — далеко:
Как хорошо, что мы знакомы
И так общаемся легко!

Но эта лёгкость нам с тобою
Не сразу и с трудом далась:
Мы познакомились весной,
А вот уж осень началась.

Но на душе всё — лето, лето!
Поют скворцы, сирень цветёт!
Ты — дождик вешний, лучик света!
Моё паренье, мой полёт!

У августа — свои приметы,
У осени — свои шаги:
Пусть меньше солнца, меньше света —
Весне из сердца не уйти!

Юлиана Логинова

г. Брянск

* * *

А ты всё так же снишься мне ночами.
Грустишь и плачешь, бывший лучший друг.
Во снах слова твои полны печали.
Ты словно ненавидишь всё вокруг.

Исчезла эта лёгкая усталость,
Пропали огоньки в твоих глазах.
И эти сны — всё то, что мне осталось.
Как больно на тебя смотреть в слезах...

* * *

Опустится занавес чёрный.
Я снова уйду в никуда.
Туда, где не будет больно.
Где полная чаша вина.

Где чувств не останется вовсе.
Там всё превратится во прах.
Где ангелы на стоголосье
Поют о забытых мирах.

И плачут, всё плачут по людям —
По тем, что так рано ушли.
Мы, люди, погибших забудем,
Не веря в бессмертие души.

А ангелы плачут веками,
И слёз в их глазах океан.
Пусть станут их слёзы цветами,
Что растворяют туман.

* * *

Мы отвыкли от лиц и от голоса,
От улыбок, смеющихся глаз.
Мы забыли, чем пахнут волосы,
И не помним друг друга в анфас...

Мы забыли друзей и приятелей.
Так, Господь, людям всем нелегко.
Мы простили врагов и предателей.
Ведь сейчас и они далеко.

До сих пор мы рыдаем ночами,
Хоть не в силах ничто изменить.
Вся планета в объятьях печали.
Одиночество хочет убить.

* * *

Я скучаю. Месяц скоро.
Целый месяц без тебя.
Кто затеял эту ссору?
Ну конечно же, не я.

Месяц боли, месяц грусти,
Месяц горестных речей.
Знаю, скоро грусть отпустит.
Станет снова веселей.

Только сердце не игрушка.
Раны можно и зашить.
Но вот шрам, моя подружка,
Уж ничем не заживить.

Не придумали лекарство.
Нет ни мази, ни бинтов.
Ну какое же коварство —
Делать из друзей врагов!

Игнорировать нещадно,
Сторониться, обходить.
Ты настолько беспощадна...
Нам не стоило дружить.

* * *

Мы строим иллюзии разные,
В которых же сами живём,
Истории несуразные,
Вранья в коих жуткий объём.

Рисуем себе чьи-то образы,
Характер, привычки и смех,
Рисуем им лица и волосы,
Заставив поверить в них всех.

И сами же вдруг забываемся,
Порой окунаясь в мечты.
В своих же придумках купаемся —
В волнах этой лживой воды.

Сергей Майоров

г. Подольск, Московская область

ЛЮБУЮСЬ...

В небе светло-синем
Облачная тень...
Дятел на осине
Да зелёный шмель...

А вдали покосы
И стога... стога...
Ближе к речке — козы...
Сочные луга...

Бабочки порхают —
Столько суеты!
И жуки летают
Дивной красоты!

Птичек голосистых
Раздаётся песнь.
Родничок искрится —
Можно и присесть...

Я давно люблюсь
Этой красотой...
Будто я целуюсь
С девушкой-мечтой...

Лягу на лужочек,
Окунусь в цветы...
И вдохну чуточек
Русской доброты!

27.05.2014

Светлана Маланко

г. Мурманск

СЛОВНО ТИХИЙ РАССВЕТ, СЛОВНО СОН НЕБЫВАЛЬНЫЙ...

Эта столь удивительная и завораживающая история начиналась, казалось бы, предельно просто.

Мы принимали у себя в гостях Аллу Ивановну Малышеву, дорогого нам человека, духовно очень и очень близкую нам. За душевным чаепитием Алла Ивановна вдруг попросила: «Светочка, а можно взглянуть в интернете, есть ли где храм святой Аллы? Вот бы поехать поклониться моей дорогой святой покровительнице...»

Интернет — дело быстрое, и вот совершенно новое, совершенно неизведанное открывается нам.

Среди многого прочего — статья в местной газете: «Возрождение Потловского Эдема».

«Среди тысяч до сих пор не восстановленных храмов на просторах России есть церкви совершенно уникальные, имеющие необычное посвящение и особенную историю их создания, — говорит московский церковный историк Александр Мраморнов, потомок не одного поколения священников Пензенской епархии. — К таким относится и небольшая церковь-школа во имя святой мученицы Аллы в селе Старая Потловка Колышлейского района».

Заповедник добра

...Как и водилось в старые времена, 16-летнюю девицу Надю Любавскую никто не спрашивал о согласии на брак с человеком, который был старше её на 45 лет. «Он, дочка, из старинного рода дворян Скрипицыных, чей предок был личным адъютантом самого Александра Васильевича Суво-

рова, — сказали родители. — Человек честный, порядочный, тебя ничем не обидит и станет отцом твоих детей».

Увы, Бог этой паре деток не дал. А вскоре «волею Божию помре» и сам супруг Надежды. Но лишь спустя 10 лет после его кончины вдовая Надежда Скрипицына вышла замуж за известного в Сердобском уезде земского деятеля Александра Рихтера. Отсюда всё и началось.

Усадьба Надежды Михайловны находилась в Старой Потловке, где «попечением госпожи Рихтер» в 1889 году была выстроена двухклассная школа с общежитием, садом, пасекой и подсобным хозяйством. Для обучения крестьянских девочек сюда приглашали лучших учителей из Пензы и Саратова. А помимо основных предметов воспитанницы обучались музыке, рукоделию и сельскому хозяйству. Потловский Эдем, заповедник образования — писали об этой школе губернские газеты.

Чуть позже в Потловке Надежда Рихтер открыла и второклассную мужскую школу. Для неё она пожертвовала 224 десятины собственной земли. При этом учебном заведении «была создана потешная дружина», представленная императору Николаю II на военном смотре 1911 года в Санкт-Петербурге.

С 1902-го в селе работало Братство во имя святого благоверного князя Александра Невского, заботившееся «о нуждах церковных, и богадельни, где призревались старые люди Потловки и соседних сёл». Кроме того, действовал кирпичный завод и выводились элитные породы лошадей. В общем, сельская идиллия.

«Нужно всё это видеть собственными глазами, чтобы убедиться, что дело здесь кипит, как в муравейнике, что отсюда идёт свет истины Христовой, теплота веры православной далеко-далеко за пределы своего района. Это не то, что село Ясная Поляна, откуда раздаётся лишь пустой звон о добрых делах...» — отмечали современники.

Чудесная икона

Рядом с барским домом был разбит шикарный парк с уникальным цветником, тенистыми аллеями, изумительной чистоты прудом. В самой середине его находился остров, куда вёл резной мостик, а на самом островке красовалась ажурная беседка. Здесь вместе с дочкой Аллой очень любила отдыхать Надежда Михайловна.

Кстати, когда девочке исполнилось шесть лет, мама сама отвела её в местную школу. Жаль, учиться Алле долго не пришлось...

«По воспоминаниям старожил, Аля с младенчества удивляла всех необычайно кротким и добрым нравом. Отличалась чувствительностью и состраданием, — показывает портрет девочки Александр Мраморнов. — К пяти годам она сохранила привычку засыпать, сидя у матери на коленях и прижавшись к её груди. И однажды, зимним вечером, сказала маме перед сном, что Господь заберёт её к себе и ей там будет хорошо».

В конце января 1889 года Алла заболела дифтерией. Несмотря на все старания врачей, через две недели девочка умерла. Горе родителей было бесконечным. Для прощания гробик с телом малышки выставили в усадьбе. Люди шли вереницей, и вдруг кто-то заметил, как на одном из покрытых инеем окон неожиданно проявился образ Божией Матери. К изумлению всех, изображение продержалось около четырёх часов, после чего плачущими струйками стекло на оконную раму. Вот это чудесное явление и укрепило силы родителей, потерявших любимое дитя.

Через некоторое время Надежда Михайловна построила церковь во имя святой мученицы Аллы в память о безвременно почившей дочери. Едва строительство завершилось, останки Али перезахоронили в церковь.

А в память о чудесном явлении Богородицы лучшими саратовскими иконописцами был создан образ Божией Матери «Взыскание погибших». Вскоре он стал местночтимым,

поскольку случаев исцеления от всевозможных болезней было не перечесть. Жаль, что письменных источников не сохранилось. Их сожгли вместе с иконами, а «Взыскание погибших» безжалостно растоптали сапогами.

Р. S. После Октябрьской революции 1917 года случилось необъяснимое: усадьбу разграбили, парк и сад вырубил на дрова, в чистейший пруд вывалили навоз, чтобы передохла рыба, а породистых скаковых лошадей порезали на мясо, поскольку в борозде они ходить не умели.

Вчерашней благодетельнице крестьян Надежде Рихтер заявили, чтобы она убиралась подобру-поздорову. Говорят, будто Надежда Михайловна приняла монашеский постриг и провела свои последние дни в Сердобске. Место её упокоения на сегодняшний день неизвестно...»

Мы, ошеломлённые, потрясённые, стали искать ещё и ещё информацию о храме святой Аллы. И вновь изумительное открытие – храм святой мученицы Аллы Готфской, расположенный в Старой Потловке под Пензой, не только единственный в России, но является единственным в мире!..

Ещё открытие – храм святой Аллы, великое множество лет находящийся в запустении, сейчас находится в стадии возрождения – стараниями вышеупомянутого московского историка Александра Мраморнова ведётся активная и серьёзная работа – проходят многочисленные волонтерские лагеря, концерты по сбору средств на восстановление храма; люди вкладывают посильную жертву...

Мы с Аллой Ивановной начинаем следить за почти ежедневными новостями о происходящем в возрождаемом храме святой Аллы. И понимаем, что настолько прикипели уже всем сердцем – к храму, к Старой Потловке, ко всему, что происходит там... что, конечно же, вскоре принимаем решение – ехать.

Сообщаем о сём решении Александру Мраморнову и получаем сердечное приглашение на приезд в Старую

Потловку; как раз сейчас заканчивается ремонт гостевого дома, и, видимо, нам предстоит стать его первыми постояльцами.

А ещё Александр, ввиду своей огромной загруженности и многочисленности поездок, знакомит нас со своей столь юной внешне, но уже матерью троих их детей, супругой Ксенией — и теперь встречаем и её тёплое и радушное участие.

Наше путешествие мы запланировали на середину-конец сентября; судя по прогнозам погоды, нас ожидало ещё тепло и благодать бабьего лета.

Накануне поездки на нас обрушилось немыслимое количество крупных и мелких искушений. Но перед тем как наконец отправиться за билетами, буквально в несколько минут выплеснулось у меня четыре столь незамысловатых четверостишия — стихотворение «Храм святой Аллы» — «Словно тихий рассвет, словно сон небывалый, возродится на свет белый храм святой Аллы...»

Удивительно, но пришло чёткое осознание, что святая Алла благословляет нас в это, как впоследствии выяснилось, не совсем простое, но весьма яркое и насыщенное паломничество.

...В Старую Потловку мы приехали ранним утром. Ранняя осень лишь чуть коснулась природы в этих местах; ещё зеленела листва, палисадники радовали глаз пышным цветом, нежно голубело небо.

Такси привезло нас прямо к храму. Выйдя из машины, мы, взволнованные, огляделись и с невольным трепетом замерли: по обе стороны старинной порыжевшей двери со стен храма на нас взирали две огромные иконы — святой Аллы в алом, цвета зарождающейся зари, облачении и, словно утончённо прорисованный углем, образ Божьей Матери «Взыскание погибших». Лик Богородицы был полон печальной нежности; одной рукой Богородица прижимала к себе кроткого кудрявого Младенца.

Стояла тишина, изредка нарушавшаяся звуками начинающегося деревенского утра, на улочке, тянущейся куда-то

вглубь, не было ни души. И оттого величие старинного храма, с его потёртыми ветрами и временем стенами, огромными иконами святой Аллы и Богородицы, какой-то незримой благодатью ещё более вливалось в наши души, и долго, долго не могли мы сдвинуться с места.

Наконец мы словно очнулись; нужно было куда-то идти. Нас должны были встретить, но из-за долгой задержки автобуса из Пензы на Колышлей время нашего прибытия значительно сдвинулось.

Несколько растерянные, мы позвонили в Подмоскowie Ксении Мраморновой, и буквально через пять минут нас уже встречал молодой, симпатичный рабочий Володя, добрый и верный наш помощник на все эти дни, проведённые в этом благодатном крае. И мы идём в только что отремонтированный его умелыми руками дом для паломников — просторный деревенский дом из белого кирпича, с большой гостиной и двумя спальнями.

На прилегающем к дому огородике росли огурцы и помидоры, перец, шикарная капуста; словно янтарные, лежали налитые солнцем ярко-оранжевые тыквы.

И ожила, зазвенела разноголосьем звуков Старая Потловка, вся округа осветилась ласковым сентябрьским солнышком — бабье лето стояло в самом разгаре. После мурманских холодов здесь, в селе на берегу Хопра, + 26!

Вскоре мы уже пили чай на уютной кухне нашей гостеприимной соседки Ирины, с которой впоследствии сдружались мы, словно родные.

Первый день нашего пребывания в Старой Потловке был посвящён более близкому знакомству с храмом, полюбоившимся нам всем сердцем, а также знакомству с селом и местным населением.

Гостеприимство и радушие местных жителей просто поражало. На обед мы уже были приглашены к Вере Васильевне — главной смотрительнице храма, до постройки нашего паломнического дома принимающей у себя всех паломников и волонтеров.

Руками Веры Васильевны ежегодно заготавливается просто немислимое количество кабачковой икры, тыквенного сока, разнообразных солений с образцового огорода храма святой Аллы. А ещё Вера Васильевна изготавливает чудесный сыр из козьего молока, и, когда мы уезжали, нам было вручено по большому кругу этого вкуснейшего деликатеса.

Мы идём от храма по сельской улице, наслаждаясь последним, совсем летним теплом. Ухоженные, порой даже очень добротные дома; палисадники, благоухающие цветами. Здесь, в Старой Потловке, местные жители ещё держат коров, и можно купить парное молоко и густую, настоящую сметану. Два магазина; своя пекарня, где с семи утра начинают продавать вкуснейший хлеб и огромные, с начинкой на любой вкус, пирожки всего по 13 рублей.

И всё же... как он чувствуется, этот вездесущий упадок российских сёл и деревень!

Эти знаменитые разбитые дороги, и старенькие дома, которые не на что отремонтировать, и жалобы на нищенские зарплаты и пенсии, и безработицу, и на то, что от безысходности пьют, и что молодёжь уезжает в города, ибо здесь негде им нынче приткнуться.

Но Россия ещё жива!.. Жива трудом этих простых селян, их радушием, и сердечным участием, и верой, что когда-нибудь, быть может, всё ещё будет лучше, и тихой молитвой бабушек, ставящих свечки в храмах своими старческими, натруженными за долгий век руками.

Каждый день мы с Аллой Ивановной отправляемся в «наш храм». И даже мне, не носящей имя Алла, стал бесконечно близок и дорог этот храм у дороги, этот маленький храм с огромными иконами на фасаде, стоящий пока ещё без куполов — но мы знаем и верим, что в самом ближайшем будущем он заблестит золотом крестов, устремлённых в небо.

Наш путь к храму проходит через деревянную двухэтажную школу — по-сельски уютную и светлую, утопающую среди деревьев, большей частью ещё совсем зелёных, невзирая на осенние дни.

Мимо нас, здороваясь, пробегают сельские ребяташки; кто-то качается на широких качелях, расположенных во дворе среди зелени. Я не удерживаюсь и прошу разрешения сфотографировать жизнерадостную ребятню – они сразу серьёзнеют, но с удовольствием позируют перед объективом.

...Потловская общеобразовательная школа расположена в уникальном здании, построенном некогда в виде креста. Более 110 лет назад была она образована на средства Надежды Михайловны Рихтер.

Из статьи историка Александра Мраморнова: «Само только здание школы достойно стать действующим музеем, являя собой пример полной преемственности дореволюционной традиции начального образования. На сегодняшний день уникальное здание школы остро нуждается в реставрации.

В настоящее время начата разработка создания в селе Старая Потловка Всероссийского музея истории церковно-приходской школы. Проект призван получить подлинно всероссийское и общецерковное звучание. Воссоздание храма святой мученицы Аллы станет лишь точкой отсчёта преобразований культурной среды Старой Потловки и её окрестностей».

Нам звонит Ксения Мраморнова: «Знаете ли вы, что в школе действует замечательный музей? Обязательно его посетите!»

На другой день мы по тенистой аллее идём в школу, которой более сотни лет. Большое, удивительно уютное здание, на крыльце белые вазоны с цветами. Заходим – доброжелательные ребяташки, улыбчивые и приветливые, объясняют, куда пройти.

Вскоре нас сердечно встречает директор музея, и мы проходим в большое, светлое, прекрасно оборудованное помещение. Целая стена отдана под старинные фотоснимки и материалы, так или иначе связанные с храмом святой Аллы.

С немалым удивлением узнаём, что этот старинный храм посещал и очень любил известный церковный деятель начала XX века, епископ Гермоген (Долганов), впоследствии причисленный к лику святых. С Надеждой Андреевной Рихтер его связывали тёплые узы дружбы, в архиве обнаружена их переписка.

Богатейшая история Потловской школы, уникальные документы, хранящиеся в школьном музее, множество фотографий и предметов крестьянского быта – воистину краеведческий музей в миниатюре, где бережно и с любовью сохраняются страницы исторического наследия, столь щедро дарованного этой благодатной земле.

Сердечно благодарим за замечательную экскурсию, оставляем слова благодарности в книге отзывов. Проходим к выходу по аллее среди берёз; высокое, пронзительно-голубое небо, пение птиц.

Мы идём по Старой Потловке, наслаждаясь тишиной и благодатным, наполненным запахом осенних пряных трав, воздухом.

Всё, всё здесь дышит историей, о чём свидетельствуют расположенные повсюду указатели: «Храм св. Аллы Готфской», «Усадьба Н. М. Рихтер», «Аленькин пруд»...

«Народ, не знающий своего прошлого, не имеет права на будущее», – сказал великий Пушкин.

Как хочется знать и верить, что мы имеем право на это будущее – ибо прикладываем невероятные усилия к тому, чтобы сберечь и сохранить эту память – память о прошлом, которая неизменно отзывается эхом в наших сердцах спустя долгие-долгие годы.

Нам вновь звонит Ксения – завтра приедет настоятель храма святой Аллы, отец Димитрий, и будет служить молебен.

На другой день мы приходим в храм, ставший близким и дорогим за эти недолгие дни. Здесь, где-то здесь, находится усыпальница маленькой Алочки Рихтер, той безвременно

ушедшей маленькой девочки, благодаря которой храм святой Аллы появился на этой земле...

Одновременно с благоговением и горечью оглядываем донельзя обшарпанные, со следами кирпичной кладки, стены, пол, во много слоёв покрытый землёй, затянутые трепещущим на ветру целлофаном окна.

Но как великое утешение — только что восстановленный алтарь, маленький, светящийся белизной стен, отреставрированный руками всего двух человек — Виктора Михайловича и его сына Александра.

Приезжает отец Димитрий — совсем молодой, красивый, доброжелательный. Благословляет нас быстрым, уверенным жестом; проходит на возвышение из земли и песка, накрытое большим куском толстой фанеры. На аналое — икона святой Аллы.

...Удивительное, странное чувство испытала я во время этого молебна. Прошлое словно снизошло на меня; и все те, кого уже так давно нет на этой земле, словно встали пред моим взором, незримо благословляя нас. Храм святой Аллы, в стенах которого молился будущий святой — ныне канонизированный епископ Гермоген, и безутешная мать Али, Надежда Рихтер, и другие — прихожане этого дивного белого храма, когда здесь лилась молитва и шли службы — этот храм так ждёт своего часа...

После молебна отец Димитрий вручает нам в подарок по маленькой книжечке — духовное завещание преподобного Серафима Вырицкого «От Меня это было». Раскрываю наугад любимую книжицу: «Думал ли ты когда-либо, что всё, касающееся тебя, касается и Меня? Ибо касающееся тебя касается зеницы ока Моего... Я — Бог твой, располагающий обстоятельствами. Ты не случайно оказался на твоём месте, это то самое место, которое Я тебе назначил... Всё послано Мною для совершенствования души твоей, — От Меня это было...»

Мы выходим из храма, останавливаемся под огромными иконами Богородицы и святой Аллы. Рассказываем о своём

долгожданном паломничестве, и о наших северных жертвователях на этот храм, затерявшийся в российской глубинке, и о том, как дорога нам эта поездка. Отец Димитрий рассказывает о себе.

Одна из его крошечных дочерей носит имя Алла.

— Вы так назвали свою дочь, когда стали окормлять храм святой Аллы? — не удержалась от естественного вопроса я.

— Нет, — улыбнулся отец Димитрий, — тогда я ещё не был настоятелем.

Изумителен Божий промысл — «Ты не случайно оказался на твоём месте, это то самое место, которое Я тебе назначил...» — настоятель храма святой Аллы даёт имя родившейся дочери и получает приход в честь её небесной покровительницы...

Тихий вечер опустился на село, улица уже почти опустела; догорали последние лучи уходящего дня.

— Хотите, немного пройдемся вместе? — предлагает отец Димитрий, и мы идём среди деревьев по узкой дорожке, уже усыпанной золотистыми листьями.

Мы выходим к большому, старому пруду, затянутому зеленоватой ряской.

Что-то сжимается в моей груди. Вот оно, это место, которое я так хотела увидеть.

Когда-то, более века назад, по некогда прозрачной воде скользили лебеди, и на небольшом островке (сейчас заросшем уходящими в небо деревьями) стояла беседка, где маленькая Аллочка Рихтер так любила бывать со своей матерью.

Там же, на этом островке, первоначально она и была похоронена. Впоследствии, через несколько лет, прах её был перенесён в построенный её безутешными родителями храм святой Аллы. После смерти Али в пруду стали плавать только чёрные лебеди...

Отец Димитрий выводит нас к длинной галерее, где многочисленные старинные фотографии повествуют о жизни, прошедшей много-много лет назад.

Вот смотрит на нас лучистым взглядом, светлая и нежная, словно ангел, маленькая Аля; вот фото её матери, Надежды Рихтер, на этом снимке совсем ещё молодой девушки — роскошная длинная коса перекинута через плечо, устремлённый куда-то вдаль, задумчивый взгляд.

Словно листая страницы безвозвратно ушедшего прошлого, переходим мы от фотографии к фотографии. Благородные, одухотворённые лица — священство, учителя, многочисленные ученики потловской школы...

Отрешённо, но спокойно и твёрдо смотрит на нас епископ Гермоген; глаза полны глубокой, мудрой любви.

Сияющий белизной храм дивной архитектуры словно выплывает из прошлого. Единственный в мире храм святой Аллы, здесь, в селе Старая Потловка, ждёт часа своего возрождения, ждёт того времени, когда вновь откроются Царские врата и будет служить Божественная литургия; ждёт нас, пришедших помолиться о своих живых и усопших. И о тех, благодаря которым храм святой Аллы появился здесь, на старинной российской земле.

— А знаете ли вы, что завтра, на Архангела Михаила, исполняется 120 лет со дня освящения Покровского храма здесь, в соседнем Черкасском? — спрашивает отец Дмитрий. — Приезжайте обязательно на архиерейское богослужение! И я там завтра буду служить, священство со всей округи приедет.

На другой день мы побывали на этой, столь благодатной, службе в огромной, словно собор, церкви Покрова Божьей Матери — одного из двух в России сохранившихся семикупольных храмов.

А затем, после праздничной литургии, мы проехали на машине в Христо-Рождественскую пустынь, в село Трескино. Святая Алла, видимо, непрестанно благословляла нас...

Мы уезжали из Старой Потловки, и словно незримая высокая струна звенела в душе. Уезжали, столь переполненные новым, ранее неизведанным; ибо сама земля дышала здесь

ушедшим прошлым, духом тех, кто когда-то на этой земле жил.

Отблеском короткой, осиянной небесным светом, жизни Алочки Рихтер; и её матери, сумевшей после страшного постигнутого её горя найти в себе силы отдать себя всю на служение людям; и ещё многих других, кто когда-то, более века назад, в воскресный или праздничный день пришёл на службу в дивный белоснежный храм. Храм святой Аллы.

Дорогие Аллы!.. И тысячи других россиян. Единственный в мире храм святой Аллы очень нуждается в ваших, больших и малых — каждому по своим силам, — жертвованиях. В вашем деятельном и сердечном участии, в вашей поддержке.

Ибо всё свершается в жизни сей по незримому промыслу Божьему, и в том, что храм так нуждается в средствах, сокрыт свой великий смысл. Только стараниями Аллы Ивановны Малышевой свою лепту на восстановление старинного храма святой Аллы внесло почти полсотни человек. А сколько нас по всей России?..

Вспомним знаменитые слова праведного Иоанна Кронштадтского: «Если на вашу долю выпала честь строить Дом Божий, примите это как Великий дар Творца, ибо десница Господня касается того, кто строит храмы, и многие грехи простит тому Господь».

Дорогие, примем же деятельное участие в этом благом и великом деле.

Денис Минаев

г. Коломна, Московская область

МНЕ БЫ В ЮНОСТЬ...

Шумным городом душу изранив,
Жизнь тащу, закусив удила.
Мне бы в юность...

Да в русскую баню,
Чтобы с паром духмяным была.

А ещё бы ворваться с разгону
В бой кулачный село на село.
И под вечер, давясь самогоном,
Обсуждать: где кому повезло...

Ночью сдаться объятиям жарким,
Смять с девчонкой траву на лугах.
И в напарниках с месяцем ярким
От отца её скрыться в бегах...

А потом с рассветающим небом,
Искупавшись в холодной реке,
Влезть в окошко домой
И без хлеба
Захлебнуться в парном молоке.

Людмила Микушина-Половодова

Кондинский р-н, ХМАО-Югра

РУСАЛКА

За год до рождения дочки было.

Батя наш умер тогда, мы у мамы в селе остались до 9-го дня.

На поминки решили пирог рыбный испечь. Лёха, старший брат, на лодочке отправился на речку сеть поставить. Там ключи и поэтому в середине апреля уже полыньи, хоть и морозы под 20 по ночам.

Лёшка с лодочки пешнёй лёд разбил, до полыньи добрался — она на середине речки, — сетёшку поставил.

Назавтра утром отправился проверять сетку, а в соседней полынье сосед свою просматривает.

Я, верная своей привычке начинать утро с ледяной воды, пошла нырнуть-поплавать. Из ведра обливаться — хорошо, но если рядом вольная вода, то грешно не воспользоваться. Сестрёнка на берегу вещички мои держит, полотенце. Я в речку потихоньку захожу, льдинки распахиваю руками и пробираюсь вплавь до Лёхи. Спрашиваю: что попалось? на пирог или только на уху? Лёха рассказывает — улов показывает, я за борт лодочки держусь.

Сосед Славка метрах в 15 примерно.

Услышал разговор, спрашивает Лёху:

— Ты чего это? сам с собой разговариваешь, что ли? — типа подкалывает.

Лёха:

— Да вот, с русалкой толкую, хватит ли на пирог, или она ещё рыбки подгонит в сетку?

Ну я из воды-то и выпрыгнула на сколько смогла, рукой ему машу — здороваюсь. А у меня тогда волосы были по пояс, купалась с распущенными...

Мужик: «Твою мать!» — и за борт!

Ну ё-моё, он же в полушубке и валенках – какое там до берега плыть, он и в лодку-то влезть не может, растерялся – машет руками как ни попадя, барахтается в полынье.

Пришлось нам с Лёхой быстро прорубаться до Славкиной полыньи напрямик да спасать его. Брат за шиворот тянет, а я снизу подталкиваю, в лодчонку перевалили и к берегу.

Потом завели Славку к нам домой, отогрели, в смысле налили...) Он всё головой мотал да приговаривал:

– «С русалкой разговариваю, – говорит, – рыбки подгонит», – говорит! Гляжу: правда – резвится, и волосы – до ...опы!

А мне смешно!

Елена Раннель

п. Чагода, Вологодская область

О ЧЁМ ПОЁТ ЛИСТВА?

Когда летний лёгкий ветер устаёт играть с моей кроной, а солнце скользит по лазурному небу к самой кромке горизонта, на Землю опускается тишина. Усталый день, наполненный трудом и заботами, оставляет суетный мир, и наступает бархатный вечер со сказочными ароматами, бескрайними просторами равнин и гор, золотящихся в лучах уходящего солнца. Как я люблю это время! В тишине уходящего дня слышна моя песнь:

— Ты — корень дерева моего, суть и смысл жизни моей, любовь моя и свет! Люблю тебя беззаветно и очень, очень давно! Мне кажется, что я родилась с этой любовью, а может быть, любовь возникла раньше меня и именно она, путеводная и бесконечная, привела меня на эту прекрасную планету среди тысячи миров и созвездий. Ты позвал меня, и я пришла. Мы росли вместе: ты вглубь, я ввысь. С каждым годом мои горизонты становились всё дальше, а ты всё сильнее. Ты добывал нам влагу, питал из недр земли, а я в меру всех своих возможностей помогала тебе.

Ты помнишь тот страшный год? Была засуха, ни одной капли дождя за месяц. А солнце палило, жарило огнём. Я думала, наши дни сочтены, но ты собрался с силами и добыл нам воду, много воды. Мы пережили эту засуху и стали ещё сильнее. Я всегда старалась беречь твой ствол, укрывала листочками от палящего зноя и пронизывающего ветра, и ты был благодарен мне.

Годы летели словно минуты. Моя крона становилась всё пышнее и пышнее. Ты возмужал. Крепко держался за землю. Нам вдвоём ничего не страшно. Я пела тебе свои песни, а ты лишь молчал и берёг меня как мог. Если бы ты знал, как я люблю тебя! Любовь моя переполнила меня, настолько она была в тот миг всесильна и всемогуща, что я, о чудо,

зацвела! Как я прекрасна! Я и не знала, что могу быть такой. Ароматом своих цветов я наполнила всю округу. Люди говорили друг другу: «Вы чувствуете этот тонкий аромат? Должно быть, и цветение этого дерева восхитительно». Они подходили к нам, любовались и не могли надышаться этим чудесным воздухом. А ты помнишь ту парочку чудаков, которые смотрели, смотрели на нас, очень долго, а потом смеялись в духмяных травах и всю ночь любовались звёздами. Как и мы, они чувствовали как мы.

Наши плоды вызрели и упали в добрые руки Матушки-Земли, а семечки разлетелись на многие-многие вёрсты. Там, где-то очень далеко, семечко прорастёт, и будет новый корень, и новый росток, и новая листва.

Время летит, словно августовский звездопад на исходе лета: волшебно, стремительно, ярко. Мы знаем, что когда-нибудь уйдём, оставив после себя наше потомство. Нам не страшно уходить. Мы, как раньше, на заре своей жизни, вместе. И уйдём вместе, в один день, как в тысяче самых лучших сказок. Только наша сказка и не сказка вовсе, а просто жизнь.

Алекс Росс

о. Соловки, Архангельская область

КОММУНАЛКА

Вчера вечером после нескольких дней яркого солнца, основательно прогретого стены домов и мостовые, город обложили набухшие облака. Дождь прыскал из них на мостовые, как на каменку, и было душно, как в парной. Деревья, вгустую заросшие листвой, распарились словно банные веники. В итоге дождь, как неумелый банщик, залил всё. Вдобавок ночью небо расчистило и город стоял пологий. С утра всё оказалось выстуженным. Светит яркое солнце, плещется в его лучах лакированная листва. Но ощущение такое, какое бывает на севере хрустальным сентябрьским деньком. Для полноты картины не хватает только клина улетающих в тёплые края журавлей.

То есть не хватает такого движения, что внутри меня, где небо ума полно, словно дичи, самых неожиданных мыслей. Сегодня, вспоминая свои первые годы жизни, жизни в коммунальной квартире, я думаю о том, как ужасно далеки друг от друга мир ребёнка и мир взрослого. Один без задней мысли ломает ценные домашние предметы, рвёт важные документы отца, крушит «бессмертные» творения старшего братишки и при этом залиvisto смеётся. Другой, бывает, хлопчет о каждом своём поступке, считая грехом даже поспешное грубое слово. Игрушки его больше по размеру. Чтобы получить иные из них, он просчитывает жизнь на несколько ходов вперёд. И бывает готов за вожденную игрушку прихлопнуть другого, живого человека, как ребёнок пластилиновую фигурку. Первый только что пришёл сюда. Рубашка небесной благодати ласкает его душу, он беспечен и невольно веселит близких. Другой то ли оставил её где-то опрометчиво, то ли износил или безжалостно истребал в авантюрах и теперь, одумавшись, каждый день создаёт свой единоличный безотрадный мир — мир грёз, из кирпичиков заимство-

ванных у других клише и привычек. Искусственный мир с реальными персонажами и выдуманными сюжетами. Ткёт полотно событий, чтоб скроить новую рубашку. Но далеко не каждому удаётся сшить такую, в которой принимают обратн...

Я помню неземное касание и тепло её прозрачной ткани, её утреннее благоухание после ночных отлучек. Ощущение лёгкого дурмана и сладкодрёмного жара. Когда многие вещи по эту сторону реальности кажутся не совсем настоящими. Так, бывало, лежу я, ещё двухлетний малыш, под толстым зелёным атласным одеялом на мягком ватном матрасе, на железной кровати с панцирной сеткой. Внутри тепло, в помещении холодно. Кухонная печь и батареи к утру простыли. За окном темно, продолжает бесноваться вьюга, отец собирает тебя в детский сад, а ты лежишь и лакомишься сладкими кусочками последних минут — и наблюдаешь, как быстро они растворяются, подслащивая розовый напиток крадущегося на цыпочках рассвета. В доме движение. Громко выясняют отношения соседи.

В нашей трёхкомнатной коммуналке кроме нас, моих родителей и меня, живут ещё две семьи. Слева Губаревы. У них дочь Надя, на год старше меня, и сын, совсем маленький, красивый мальчик Серёжа. Справа крупногабаритная, переваливающаяся при ходьбе с ноги на ногу, как утка, немка Вера Таузендфройнд. В переводе на русский её фамилия означает — тысяча друзей. У Веры дочь Ольга. У Ольги тоже всё круглое, начиная от первой буквы имени до очков, через которые она всегда очень пристально смотрит на мир. Вера ко мне относится ни хорошо, ни плохо. Видимо, не замечает. Я слишком мал в сравнении с ней. Думаю, мы живём с ней в параллельных мирах. Ольгу свою она держит в ежовых рукавицах. И за малейшую оплошность гоняет венником по нашему длинному коридору и приговаривает: «Ты будешь у меня слушаться! Будешь! Будешь!» Веник из сорго широкий, как фанерная лопата для уборки снега. Под стать Вере. Шум и крики бывают слышны по всему дому. Но это

никого не смущает. Никому нет дела до бедной Ольги, ведь она не издаёт в ответ ни звука, только очень быстро бегаёт и ловко уворачивается.

Губаревы же воспитанием своих детей не занимаются. Отец, его зовут Игорь, с внешностью артиста кино, с красивыми вьющимися каштановыми волосами и со звонким насыщенным тенором, постоянно занят. После работы он учится на вечернем отделении строительного техникума. Там же, кстати, учится и моя мама. Жена Игоря, Валентина, пышная, шумная жизнерадостная хохотушка — повариха. С тех пор как её пригласили в профсоюз пищевиков кассиром, часто приходит с работы раскрасневшаяся, в приподнятом настроении. Вся в свою выпивоху маму Симу, гордящуюся дружбой с Зелёным змием. Отправляясь утром на работу, мой отец иногда не может открыть входную дверь, так как Сима припирает её своим пьяным телом снаружи. Когда же потом ей пеняют за содеянное, Сима поворачивается задом и громко командует: «Тузик, пшёл вон!» После чего хлопает за собой входной дверью, оставляя мерзкого тузика в квартире. Так вот, и от Валентины каждый вечер пахнет спиртным и веет беспечностью. Чувства меня не обманывают. За растрату её вскорости посадили в тюрьму.

Из других жильцов нашего трёхэтажного дома с двумя подъездами мне почему-то помнятся только двое. Миловидная, очень аккуратная, по выходным в модном из дорогого драпа пальто, с красивой воздушной косынкой соседка по площадке, Муксунова. Она работала врачом скорой помощи и, к моему счастью, почти всегда после вечерней смены забирала дежурный саквояж с лекарствами домой. И когда у меня как-то в полночь на фоне сильной простуды случился острый приступ отоларингита, я кукарекал и умирал от удушья, она спасла мне жизнь. Её дочка потом будет учиться со мной в одном классе, но дружеские отношения у меня с ней не сложатся. Кроме Муксуновой помнится сосед, работавший главным инженером нашего градообразующего целлюлозно-бумажного комбината. Точнее, даже

не он сам, а то, что мне однажды случилось увидеть в детской у его детей-близняшек. Попал я к ним случайно, увязавшись за своим отцом, которого инженер пригласил по какому-то делу. Так вот, близняшки меня при первом же взгляде очень удивили. Они были, как две капли воды, похожи один на другого, вдобавок к этому были и одеты в одинаковые рубашки и не по возрасту солидные брючки с подтяжками, каких я нигде до тех пор не видел. Мальчики показались мне инкубаторскими, сугубо домашними существами. На улице ни до, ни после, хотя жили мы по соседству ещё пару лет, я ни разу их не встречал. Однако ещё больше меня удивила их модель железной дороги с очень симпатичными «настоящими» локомотивом, вагонами, семафорами, стрелками и мостиками. Состав быстро и уверенно колесил по бабочке ж/д полотна, весело сигналил и мигал огоньками и фарами. Стрелки вовремя щёлкали, шлагбаумы опускались и поднимались. Мне сразу же захотелось получить такую игрушку. Но я никогда не сказал об этом своим родителям. Для меня такая вещь была немыслима. Я знал, что она не продавалась у нас в посёлке и была явно привезена из почти недостижимой столицы. Кроме того, вряд ли она была по карману моему отцу. Тогда в стране всё было дефицитом. Даже обыкновенная мебель была мечтой обывателя. И ту, в случае наличия в продаже, приходилось покупать в кредит, так как денег рабочим обыкновенно хватало от аванса до получки. Поэтому с тех пор я долго жил с мечтой о моделях поездов и при каждом удобном случае подходил к витринам магазинов и подолгу любовался моделями паровозов, пассажирских и товарных вагонов. Но теперь, скорее всего, я уже никогда не куплю себе такую игрушку. Страсть моя сполна удовлетворена в многочисленных поездках по миру в самых разных поездах, в общих и плацкартных вагонах, в купейных и СВ, на древних поездах с паровой тягой у нас на Русском Севере, на допотопных тепловозах по Татрам, на колоритных подмосковных электричках, прописанных Веничкой Ерофеевым, и на скоростных, французском TGV и японском Синкансэн.

Мне кажется, в общей сложности я объехал на них вокруг Земли уже несколько раз.

Да, нашу квартиру нельзя считать типичной советской коммуналкой наподобие ленинградских и московских вороньих слободок, до сих пор воспеваемых кинематографом и нелестно упомянутых в своё время бардами, Юрием Визбором и Юлием Кимом. В столичных я потом бывал нередко, и каждый раз они вызывали отчётливое чувство отчуждения. На Арбате, например, хозяйка меня то и дело дёргала: «...это чужое!» Коридор там был тёмный и тесный, на стенах висели оцинкованные тазы и ванны, внизу стояли старые сундуки, свободные места были завалены скарбом. Кухня была сплошь завешана постиранным постельным бельём. Наша же квартира в доме сталинской планировки с высокими потолками и большими окнами, со сравнительно просторной прихожей и вместительной кухней, ванной с душистым титаном и отдельным туалетом была светлой, по своему уютной и, без сомнения, дружелюбной. Мы вообще не знали склок и неприятных разбирательств. Напротив, двери в комнаты у всех были распахнуты и на кухне с тремя столами и общей чугунной печью с четырьмя конфорками царил приятная атмосфера. Особенно зимой по вечерам, когда уставшие после работы и разомлевшие от сытного ужина все жильцы сидели там и делились новостями. Никогда не забуду золотистый свет того особого уюта, когда печь протоплена и по всей квартире вместе с волнами душистого от смолистых еловых поленьев тепла распространяются запахи жареной картошки, горохового супа, пирогов с лесными ягодами и компота из сухофруктов или морса. Дневные заботы забыты, все благодушны.

Надо сказать, что и мебели в нашей квартире было совсем мало, пустых же поверхностей и свободного пространства много. Пол был настлан из широких досок и выкрашен охрой. Некоторые доски, словно клавиши пианино, при ходьбе хлопали по лагам, иные скрипели. Поэтому по ночам все старались ходить на цыпочках. Кстати, такие дощатые

основательные полы с неприметными вентиляционными решётками у стен устраивались тогда по всей стране. И у всех вскоре после въезда в новое жильё они обязательно рассыхались, отчего их перебирали и сплачивали. Мы тоже не стали исключением. Я хорошо помню подготовку к этим работам, разговоры, поиск мастеров, освобождение помещения от мебели и пожитков, сами работы с громким скрежетом отдираемых досок, с мерным стуком молотков, визгом рубанка и запахом свежей красивой стружки, создававшими атмосферу языческого праздника...

У нас в угловой комнате с двумя окнами на юг и на запад тоже просторно. Свисающая с потолка одинокая лампочка усугубляет ощущение пустоты. В комнате нет ни ковров, ни деревенских домотканых дорожек, на окнах нет занавесок. Штор нет ещё и в помине. Пол, как во всей квартире, настлан из широких досок. До сих пор мне помнится перспектива с высоты моего малолетнего возраста, задаваемая этими досками. Вначале для ползания, а потом и для бега. На них несколько преград: письменный стол мамы с чертёжной доской, с волшебной рейсшиной и яркой настольной лампой, очерчивающей по вечерам между ней и мной с отцом чёткую границу света и тьмы. Рядом шаткая книжная этажерка из точёных стоек. Ножки на роликах широкой железной кровати с никелированными спинками и поскрипывающей сеткой, в углу тяжеловесный жёлтый фанерованный шифоньер, у дверей древняя оттоманка с откидывающимися валиками, на которой я то и дело прыгаю как на батуте.

За письменным столом в ярком круге света, повернувшись к нам спиной, сосредоточенно чертит свои дома мама. Бабушка, то есть папина мама, запретила ей оканчивать пединститут, объясняя это тем, что нельзя допускать большой разницы в образовании с отцом. Ведь у отца только семь классов и флотские курсы машиниста-турбиниста. Но мама ни за что не хочет оставаться рабочей, ведь до замужества она уже преподавала в школе, и довольно успешно, а теперь вынуждена катать полутоннажные рулоны бумаги

на фабрике, поэтому и учится на вечернем отделении строительного техникума. Ей это тоже близко, так как мой дедушка Федот, её папа, строитель.

Чтобы не мешать ей, после ужина, когда ветер Сиверко всё же делает перерыв, набираясь буйства перед ночным разбоем, мы отправляемся с отцом гулять. Под ногами скрипит снег, откуда-то сверху, из чёрной бездны, покачиваясь, как в зыбке, медленно спускаются пушистые снежинки. Их не сосчитать. Причём, по словам отца, среди них нет ни одной пары абсолютно одинаковых. Безмерно удивляясь этому, я поднимаю голову и пытаюсь отыскать похожие. Снежинки мягко опускаются на ресницы. Отчего мне щекотно и я залиvisto смеюсь. Другого края огромной горбатой площади Профсоюзов из-за снежной завесы не видно. Она чудится мне чертёжной доской с белым ватманом наподобие маминого, а стоящий на высоком подиуме Дом культуры издалека кажется настольной лампой. При приближении же — царскими чертогами. Из его окон с тонкой, как паутина, сеткой переплётов в атриум струится тёплый золотистый свет. Мы шествуем не спеша по широкой парадной лестнице с античными вазонами к величественному портику с выстроившимися в два ряда круглыми циклопическими колоннами и теряющимся в высоте аттиком. С боков вздымаются пандусы. Вокруг Дома культуры за высоким красивым забором с массивными коваными решётками на толстых круглых столбах с крышами в виде стрелецких шлемов и с тяжёлыми въездными воротами разбит парк. Снег засыпал в нём деревья и кусты, и они стоят не шелохнувшись, как неземные изваяния. Из приоткрытых фрамуг больших окон актового зала доносятся обрывки энергичных выступлений и взрывы бурных аплодисментов, из спортзала слышно эхо смачных хлопков тел о кожаные маты, оханье и вскрики борцов. Ко всему этому примешивается тонкий ветерок скрипки и капель рояля. Звучит вальс, кружат снежинки. Отец подхватывает их игру, прячется от меня за белыми колоннами и бросает в меня рассыпающиеся в полёте снежки. Его шаги и голос

рикошетят со всех сторон. Мне невероятно легко и весело. Из-за падающих отвесно белых парашютиков, из-за мягкого света, из-за звонких разнообразных звуков...

Вдруг меня берёт любопытство и я устремляюсь внутрь. Там за тёмным тамбуром с крылечком в три ступени просторный вестибюль. Пол его выложен из красивой жёлто-бурой метлахской плитки. Напротив входа во всю ширину остеклённая стена с рядом распахнутых высоких дверей, ведущих в зал с белыми толстыми колоннами, с полированным дубовым паркетом и тяжёлыми вишнёвыми портьерами на высоких окнах. Сверху свисают мерцающие разноцветными бликами хрустальные люстры. Одни массивные двухстворчатые резные двери ведут в зрительный зал с глубокой театральной сценой, другие в зеркальный буфет, как я узнал впоследствии, с изысканными кондитерскими изделиями и вкуснейшими молочными коктейлями...

Но время летит быстро, и уже поздно, поэтому мы возвращаемся домой. Дома на кухне, как в Африке, тепло и светло одновременно. У протопленной печи собралось всё взрослое население коммуналки. Меня ждёт пятилитровая кастрюля с ароматным компотом, точнее, со сладкими остатками его, ведь напиток мы выпиваем необыкновенно быстро. Эта коричневая кастрюля, кстати, прошла через всё моё детство. Так вот, среди кусочков яблок я вылавливаю из неё мягкие чёрные сливы, хрустящие коричневые груши и вязкие жёлтые абрикосы. Мне нравятся и ядрышки их, поэтому в завершение отец колет для меня орехи. Я тяну и всё делаю не спеша, но это не помогает. Есть больше не могу, и меня отправляют спать.

Я вновь лежу один в нашей угловой комнате и, как герой известной книги Станислава Лема, замороженно всматриваюсь в большие без занавесок окна, в потустороннюю кутерьму. Слушаю завывания вьюги и думаю, что это голос тьмы. Что злится она на укрывшихся за толстыми стенами домов людей. Я знаю, всю ночь она будет бешено искать щели, остервенело хлопать дверями в подъезд и успокоится лишь

к утру. И то из-за того только, что набросится на выходящих из домов на работу и по делам жильцов. Они разнесут её по частям в детские сады, в школы и шумные цеха бумажного комбината...

С утра, когда меня в первый раз привели в садик, мне кажется, что эту самую слепую ярость стихии проявляют дети. Мне режет уши их гвалт, и я забиваюсь в нишу балконной двери в группе, вжимаю голову в высокий воротник толстого вязанного из овечьей шерсти свитера и прячу руки в рукава. Мне тепло, уютно, и я наблюдаю за мистерией из своего безопасного укрытия совершенно пассивно. Конечно, целый день я так сидеть не могу и в какой-то момент пробую делать вылазку. Игрушек в группе много, мне понравился паровозик. Но шустрая чернявая девчонка, запоздав, хватается меня за руку, верещит и, не дав мне опомниться, с остервенением кусает. Да так сильно, что выступает кровь! Мне безумно больно. Успокаивает меня лишь манная каша с золотой бляшечкой растаявшего сливочного масла. После пережитой дикости я опять наблюдаю и веду себя осторожно. Поэтому мне хорошо запомнились, как потом выяснилось, распространённые по всей стране команды воспитателей и нянечек, урезонивавших детей: «Проходите быстренько, за столом никто не разговаривает... никто глупых вопросов не задаёт! Полная тишина, все едят! Ложку каши, глоток молока — надо добавку? ...это ещё что такое, ну-ка все по местам, безобразники! Не успеешь отойти, у вас уже кавардак!» Когда мы заканчивали есть, то обязательно должны были громко продекламировать: «Спа-си-бо!»

Тут надо сказать, что советские детские сады были всё же самыми удобными в мире и, без сомнения, остаются такими до сих пор. Каждая группа в них с детьми определённого возраста имела свою раздевалку, большое помещение для игры и учебных занятий с обеденными столами и отдельную, хорошо проветривавшуюся спальню с детскими кроватями и с чистым постельным бельём. У каждого ребёнка был свой горшок и своё полотенце. Кроме того, за каждой

группой на озеленённой территории садика была закреплена отдельная площадка для игр. Дети питались исключительно свежеприготовленной пищей, так как садики имели свои великолепно оборудованные столовые. Однажды эти воспитательные комплексы так понравились каким-то американским толстосумам, что два таких здания со всем оборудованием были куплены и доставлены ими за океан.

А мы в конце тихого часа, следовавшего за обедом, оставались без прямого надзора, часто начинали бросаться в спальне подушками, и заставлявшая нас за этим занятием воспитательница строго объявляла: «Так! Пока каждый из вас не извинится, я никого из спальни не выпущу!» И мы поневоле умоляли её: «Простите, пожалуйста, Авдотья Никитична, я больше не буду кидаться подушками», — и она укоряла: «Да, надо иметь мужество, чтобы отвечать за свои поступки». Всё это для меня было слишком, поэтому привыкнуть к садикам я так и не смог, хотя позже у меня была замечательная воспитательница, Алевтина Ивановна, и душевный друг, Женька Зыкин. В любом случае, вечера я всегда ждал с нетерпением.

Дома, если после ужина у отца появлялись какие-то дела, у меня чудесным образом находились свои. Например, кто-то мог прийти в гости. Первой, помню, в мою сознательную жизнь заглянула тётя Густя, старшая сестра отца. По сравнению со мной она была огромной, как Гулливер, точнее, она разом заняла пространство настолько, что я воспринимал только её цвет. Она была огненно-рыжей с крупными веснушками. Разговора с ней не получилось. Я чуял родство, но не знал, о чём говорить. Я ещё не понимал многих слов, да и выговаривать их по-хорошему не мог. Мой мир был ограничен, но мне любой ценой хотелось выразить свои чувства. Я прыгал, ходил колесом и сильно ударился. До крови. Но не показал этого, а скрылся в туалет. Там за запертой дверью, морщась от боли, ронял скупые слёзы и гладил коленку.

Обычно я был спокойным мальчиком, но иногда на меня накатывало такое игровое состояние, что трудно было

остановить. Помню, как-то, опять же одним зимним вечером, когда за окном пуржило и в комнату заглядывала знакомая тьма, я остался дома со своей неграмотной вологодской бабушкой, Августой. Родители ушли к кому-то в гости или в кино. Вот мы и коротаем вечер вдвоём. В комнате, как обычно в такое время, тепло и уютно. В квартире тихо. Мне даже кажется, что пуст весь дом. Я ношусь по комнате как угорелый, стучу пятками по хлопающим половицам и, чем позднее становится, тем больше задорюсь и настойчивей пытаюсь вывести бабушку из равновесия. Она, желая меня отвлечь, задаёт забавный вопрос-стишок: «Рассказать тебе сказку про манду-белоглазку?» Я с интересом отвечаю: «Да-а!» А она опять: «Рассказать тебе другую, про манду голубую?» «Да-да-да!» — я жду продолжение. Но это всё. Я недоумеваю, чувствуя, что попал в западню. Ведь я сказал: «Да, рассказать!» Но бабушка, лукаво улыбаясь, говорит, это всё. «Ну тогда скажи, что такое манда!» — настаиваю я. Она говорит, когда подрасту, сам узнаю. «Ну как это?» — не отступаюсь я. «Женишься — узнаешь». «Но я никогда не женюсь!» — уверяю я. На что она продолжает невозмутимо едва заметно ухмыляться. Не получив ответа, я затаиваю месть и рассчитываюсь в тот же вечер.

У бабушки Августы на удивление здоровая психика, не помню, чтобы она хоть раз повышала голос. Но и я не подарок. В итоге терпение её лопнуло, она говорит: «Всё! Будем ложиться спать!» Гасит свет, и мы ложимся на старую оттоманку. О, это нечто. Оттоманка большая, с горбатой пружинной спинкой и с таким же выпуклым сиденьем, обтянутым тёмным узорчатым бараканом. Лежать на ней удобно, а мне ещё и весело. Потому как, когда кто-то из нас поворачивается с боку на бок, утроба её бурчит, перебирает октавы. И люблю оттоманку не только я, а и распространённые по всей стране клопы. Как с ними живут другие, трудно представить. У нас они появляются вновь даже и после тщательной чистки всех деревянных поверхностей внутри оттоманки со скоблением ножом, после протравки дустом и чем-то ещё более отвра-

тительным. Временами их ночные атаки становятся настоящим бедствием. Тогда родители в панике вскакивают, включают свет и хрустят газетами, в которых вонючие кровопийцы давятся десятками. Понятно, очень противно проснуться от ощущения насилия. Места их укуса зудят ещё долго, поэтому надо обязательно встать, чтобы устроить придирчивый осмотр. Иначе они возвращаются. Но эти гадёныши каждый раз успевают отреагировать, скрывшись в самый последний момент где-то в укромном месте. Помню, после нескольких безжалостных атак в течение ряда ночей отец обнаружил их логовище в обойных швах аж за шифоньером. Тогда он живо отодвинул его, отодрал обойную полосу, и десятки бросившихся врассыпную тварей открылись нашим глазам. Мама стала быстро скручивать и подавать отцу газеты, а он поджигал их и жарил улепётывавших кровопийц карающим факелом. Они щёлкали, как семечки, и было отчётливо слышно, как сыплются на пол. Я помню, когда клопы отступали, мы отдыхали душой, но оставались настороже.

Вот, воспользовавшись этой перманентной угрозой, я и разыграл в тот вечер бабушку. Поковыряв у себя в попе, я воззвал: «Ба, клоп!» «Где? — спохватывается она и, не желая вставать, чтобы включить свет, поворачивается ко мне, ищет мою коварную щепоть и тянет носом. «Да вот», — протягиваю я ей её. «Тьфу ты, какая гадость!» — в сердцах прыскает она. А я заливаюсь смехом, меня чуть не берёт кондрашка. С тем и засыпаю.

Весна моего четвёртого года жизни в коммуналке запомнилась удивительным событием: наша страна первой в мире запустила в космос пилотируемый корабль с человеком на борту. Им был Юрий Гагарин. Всем вокруг казалось, что он устранил все препятствия и озарил светом своей улыбки весь мир. А меня тем летом повезли на смотрины к дедушке и бабушке в Холмогоры, на мамину родину. Я ещё не разбирал времён года, лишь ощущал, что тьма со злобными выюгами отступила, и не без помощи Гагарина. Так что ехали мы в гости, как в сказку, северной белой ночью.

Добраться в Холмогоры из нашего посёлка Первомайский под Архангельском было проще по реке. И наш красивый колёсный пароход «Ломоносов», как голубь, утробно воркуя, не спеша шлёпал плицами двух огромных колёс по воде под музыку Иоганна Штрауса, исполнявшуюся оркестром ресторана, и оставлял позади себя в глубинах мироздания, отражавшихся на зеркальной поверхности реки, пушистый веер хвоста. При этом и каждый поворот Северной Двины являл картины необыкновенной красоты. И я, совершенно очарованный всем этим, блуждал по кораблю и не мог надивиться... Прибыли мы на место к розовеющему рассвету, около двух часов ночи. Но, судя по толпе встречающих у сияющего огнями, как новогодняя ёлка, дебаркадера и гуляющим на ухоженной широкой набережной, в селении никто спать ещё не собирался. Симпатичные древние домики, как на открытке, выстроились вдоль реки в линейчку, напротив каждого из них тихо колыхались лодочки. Меня удивляло всё. И «незнакомые» улыбающиеся дед и бабушка, и дружный говор с приятным местным диалектом возбуждённых от встречи людей, и необычная обстановка в белой ночи.

Наш дом стоял рядом. Он был меньше городского, но внутри него всё оказалось вместительней. Помню, мне помогли отворить тяжёлую дверь в горницу, я с трудом перешагнул через высокий порог и открыл от изумления рот. «Андили-андили, кто к нам приехал? Са-ашенька!» – присев и подавшись корпусом вперёд, ласково причитала и хлопала по круглым коленям полными ладошками бабушка Зинаида. Глаза её светились, румяные щёки были толще, чем у матрёшки, вишнёвые губки сложились бантиком. Из-под длинного тёмного сарафана виднелись смешные серые чуни – валенки с короткими голяшками. Зинаида старшая сестра моей бабушки, ей принадлежит этот дом. В девичестве она хотела уйти в местный монастырь, но советская власть разрушила монастырь, а насельниц отправила на Соловки, поэтому Зинаида осталась творить молитву дома. Хотя дед Федот

начальник, в красном углу, напротив входа в большую комнату, висит большая икона Богородицы, перед ней всегда теплится лампадка. Зинаиду все зовут крёстной. Она ходит по дому, как ветер, шурша подолом своего долгого сарафана. Она само добродушие и незлобие. Что её «Андили-андили» означало «Ангелы, ангелы», я понял много позже.

Моя родная бабушка Варя, как и дед Федот, ровесница века. Они оба образованны. Познакомились по телеграфу, Варя была телеграфисткой, Федот обходчиком. Даже в любви он признался ей с помощью азбуки Морзе. Варя высокая, в строгом платье с белым старомодным кружевным воротником, с манжетами на длинных рукавах и белым передником, волосы забраны плетёным калачом. Она всегда подтянутая, выдержанная. Весь вид её говорит об интеллигентности. Голос у неё тихий, как будто принявший потрясения сурового XX века, поэтому и запомнится мне не он, а голос её совсем непосредственной сестры Зинаиды.

Дед Федот приехал в Холмогоры из далекого Ношуля, что в Коми. Был в суровые годы после революции чекистом. Говорят, крепким. На зарядке по утрам крутил на перекладине «солнышко». Начинал он обходчиком на телеграфе, потом выучился, работал директором лесозавода в Архангельске, во время войны руководил рыболовецкой артелью на Северной Двине, потом был директором колхоза в Ломоносово, строителем в Холмогорах. Запомнился он сухопарым, жилистым, с длинными костлявыми пальцами рук и внушительным взглядом глубоко сидящих чёрных огненных глаз. И с большим горбом, который у него вырос после удара бревном из рассыпавшегося штабеля леса. Отличался дед полной невозмутимостью и холодной иронией. Не забыть, как моей маленькой сестре Лиде, когда она плакала и звала: «Где мама? Ма-ама!» — он говорил, что мама ускакала на Сером Волке в лес. Если Лида продолжала, он говорил: «Давай-давай, кричи громче, а то она не слышит!» Правда, было это уже много позже моей первой поездки в Холмогоры, ведь сестра моя тогда ещё не родилась.

В холмогорском доме, в отличие от нашей полупустой коммуналки, всё было устроено чудесным образом. Он был обставлен дорогой, дореволюционной мебелью из красного дерева. Особенно меня впечатлили богатая библиотека в высоком шкафу со стеклянными дверками и венский мебельный гарнитур. На столах и столиках, на комодах и этажерках, на окнах и кроватях — всюду лежали и висели накрахмаленные кружевные скатерти, салфетки, занавески и покрывала. По утрам в доме царило оживление. Дед успевал до своего утреннего туалета наловить с дебаркадера рыбы к завтраку, и, когда возвращался, в доме уже стоял аромат свежеспечённого хлеба. Русскую печь сбоку подпирал рыжий брус солнечного света. Я сидел рядом и дивился тому, как смешно, будто обессиленно, потрескивают головни внутри неё. Пока дед мылся и брился, бабушка успевала приготовить завтрак. На широком столе шумел начищенный медный самовар с медалями, в большом блюде румянились плюшки. Свежая жареная рыба, выпучив глаза, была удивлена происходящему не меньше меня! Потом дед уходил на работу, а женщины и отец-отпускник оставались дома. Кстати, так в России было принято с незапамятных времён: мужчина был всегда добытчиком, женщина хранительницей очага. Правда, когда зарплаты не хватало, дед Федот подрабатывал по вечерам. Он был хорошим сметчиком. Женщинам же было достаточно забот по дому и без работы. Кроме того, к нам то и дело приходили и уходили гости. Так что в перерывах бабушка Варя водила меня по дому, показывала интересные предметы: китайского болванчика, забавно кивающего головой, вереницу из семи мал мала меньше симпатичных, суливших удачу слоников, фарфоровую же сахарницу-барана, яркие картинки в толстых дорогих книгах с золотым тиснением. Потом Варя передавала меня крёстной, и та выводила меня проветриться на просторную набережную. Так и день пролетал незаметно. По вечерам после сытного ужина все обязательно чаёвничали. Мужчины пили чай из тонких с алым ободком стаканов в серебряных ажурных подстаканниках,

а женщины и я из цветастых чашек с блюдцами. Потом сидели дружно до полуночи за этим же круглым столом под большим жёлтым абажуром с кистями, играли в лото, переговаривались, что-то вспоминали, смеялись. Было невыразимо уютно. Однако счастливое время пролетает быстрее скучного, вот и отпуск наш так же, кончился быстро, и мы вернулись в свою коммуналку.

После поездки перед сном я опять в одиночестве смотрю на сгущающуюся за окном темень и вспоминаю Холмогоры, набережную с домиками и лодочками, вижу начищенный до блеска пузатый самовар, как дед спокойно берёт пальцами тонкий стакан с крутым кипятком, вижу рыбу, вытаращившую от удивления глаза, большую икону Богородицы с мерцающей лампадой, слышу голос крёстной «Андили-андили», всплески воды под плицами парохода... и каким-то чудом начинаю чувствовать течение времени. Лето то прошло. До поездки всё шло без перемен, а после неё осталось сожаление об утрате. Кроме того и тело моё поменялось, на коже стали заметней дырочки. Мне сказали, что это поры. Всё это смутило, тело показалось не моим. Появились смутные мысли о Творении. Я думаю о крёстной и о бабушке Августе. Они верят в Бога. У Зинаиды всё на виду, она очень добрая, всегда улыбается, а Августа спокойная, не показывает. Но я вижу, что для неё присутствие Бога естественно. С молитвой она встаёт, с ней ложится спать. Голос она никогда не повышает. Говорит, грешно. Советский же человек ни сном ни духом не ведаёт о вере, он полностью изолирован от каких-либо упоминаний о церкви, от знания прошлого. Наш посёлок, например, насаждён вокруг комбината, в нём нет ни одного храма. Но хотя я не бывал и даже не видел ни одного храма, меня посещает отчётливое видение золотого иконостаса. И вопрос: зачем он? Ведь есть небо, что может быть совершенней его...

Как бы то ни было, я чувствую себя самостоятельней, мой лексикон расширился, пространство тоже. Мне то и дело разрешается, как тогда говорили, побегать на улице, то есть

поиграть во дворе. Хотя на первых порах я бывал в растерянности и чувствовал себя там незванным гостем, так как все ребята были старше и их всех что-то объединяло. Что-то, что мне было неизвестно. Например, они по очереди вставляли у столба, отворачивались, закрывали глаза и выкрикивали считалки. Другие разбежались в разные стороны и старались куда-нибудь заныкаться. Иногда кричали, выясняя отношения. Оказалось, что игра называется «прятки». В другой раз они начинали, как сумасшедшие, туда-сюда бегать, уворачиваясь от бросков мячами своих же товарищей. Те, в которых мяч попадал, выходили из игры. Игра называлась «в вышибалу». Продолжалась она до последнего, самого вёрткого. Потом участники менялись местами. Со временем ко мне привыкли и я тоже стал бегать и кричать. Ребята же постарше играли в русскую лапту. Она требовала больше сноровки и места. А в пятую мою зиму в огромных горах снега, сгребаемого бульдозерами в наш двор с соседней площади Профсоюзозов, ребята, как термиты, нарыли пещеры и соединили их переходами. Играют в войну. Берут в плен заложников, допрашивают и запирают их в казематах. Это выглядит грустно. В этих случаях я рад любому поводу отлучиться. Особенно когда, по пояс высунувшись в форточку и сверкая очками, меня громко, с радостью в голосе, зовёт к себе тётя Оля, кузина мамы. Она жила в соседнем доме, и окно её кухни смотрело во двор. В общем, я смывался, а ребята, узнав от заложников слабые места, бомбардировали и атаквали противника. В ход шло всё: комки слежавшегося снега, куски льда и даже палки. Так что лихое «ура-а!» по выходным было слышно до тех пор, пока не растаял снег.

Кстати, о кухне. Мама постоянно бывала у неё, советовалась по любому поводу и, рассказывая о ней смешные истории, всегда называла уважительно: Ольга Горская или Ольга Константиновна. Та была круглолицая и очень похожа на Крупскую, с такими же круглыми и толстыми стёклами очков, но была в отличие от мрачной и чуть чокнутой Крупской настолько весёлой и с юмором, что живые отблески её

очков вызывали у меня при встречах с ней щекотку в животе. Она угощала меня свежими воздушными безе и вкуснейшими северными плюшками и калачами. У нашего общего с ней предка до революции в самом центре Архангельска, на углу Троицкого проспекта и Воскресенской улицы, была пекарня и кондитерская, поэтому все мамыны родственницы были искусницами в кондитерском деле. В общем, когда бы я ни забегал к Горской, её улыбка и идеальный порядок с ароматом душистых специй в воздухе всегда вызывали у меня ощущение праздника. К слову, она была белошвейкой, работала на дому и принимала заказчиц у себя. Будучи умелой рассказчицей с зычным, многотембровым голосом, позволявшим ей имитировать голоса знакомых, легко смешила людей, и нередко случалось, что они хохотали до слёз.

Между тем время продолжало неутомимо листать дни, они опять становились длинней, ночи короче, и пора, когда утром в коммуналке зябко и неудобно, а вечером тепло и весело, проходила, зима вновь отступала, а после яркой первомайской демонстрации и вовсе наступила весна. Мир залил солнечный свет, звучание капли и щебет птиц. На карнизах домов появились сосули, ребята с воодушевлением, словно подторапливая весну, сшибают их снежками и палками. Снег стремительно тает, журчание опутавших площадь ручьёв становится с каждым днём веселей. Ребята пускают по ним кораблики, это спичечные коробки и обломки сосновой коры. Ливневка не справляется с потоками вод, вода собирается в большие лужи. Это наши моря и океаны. Мы воображаем себя путешественниками вроде героев фильма «Дети капитана Гранта», который идёт в Доме культуры. В конце концов францисканская проплешина на площади расплзается, и редкие остатки грязного снега остаются лежать ещё какое-то время только в тёмных углах, куда никогда не заглядывает солнце. В первое же воскресенье на высохшем асфальте для ребят моего возраста устраиваются соревнования. Я занимаю первое место на своём новеньком трёхколёсном велосипеде. За спиной у меня

вырастают крылья. Теперь я самостоятельно гоняю на площади и в парке, знакомлюсь с ребятами с соседних улиц. Машин в посёлке ещё совсем мало, поэтому мы катаемся скопом и уезжаем от двора всё дальше и дальше. По воскресеньям я напрочь забываю про обед и возвращаюсь в сумерках уставший и безумно счастливый.

Примерно тогда же в ненастные вечера меня приглашала в свой мир на высокую кровать с забавными шариками на никелированных спинках Оля, дочка Веры Таузендфройнд. Она была старше меня лет на пять, уже ходила в школу и перед сном любила читать сказки. Я был её благодарным слушателем. Мне жутко нравилось лежать, как на облаке, утопая в толстой перине под лёгким пуховым одеялом. Всё было чистое и белое, как снег у Снежной королевы, под одеялом же жарко и приятно от близости с Олей. Я воображал себя Каем, Олю Гердой. Иногда я корчил рожицы перед одним из никелированных шариков и мы вместе угорали со смеху. Мне нравилось бывать у неё. Я удивлялся тому, что, несмотря на простоту Олиной мамы, работавшей рабочей в лесном цехе комбината, в комнате у них всегда был идеальный порядок. Всюду кружева, белое бельё, расшитые занавесочки и накрахмаленные скатерти, необычно светло, всегда лето. Случалось, я засыпал там, и отец переносил меня на своё место.

А вот у Губаревых, хотя комната была с большим балконным окном и обращена на юг, было как-то сумрачно и неуютно. Не знаю, поэтому ли, но с их красавицей Надей я познакомился позже. Она была почти одного возраста со мной, и мы поняли друг друга хорошо. У нас появились даже взрослые секреты от старших. Из-за роста мы не доставали до окна балконной двери и под видом того, чтобы заглянуть во двор, принаровились по очереди поднимать друг дружку, захватывая сзади. При этом запускали руки в штанишки и держались за сокровенные места. Взрослые заходили и выходили, не подозревая о нашей шалости. Отчего нам было сладко вдвойне. Не знаю, как развились бы наши отношения,

если бы не произошло следующее. У меня родилась сестра, и наше семейство переехало в новый дом, в отдельную двухкомнатную квартиру. Надя осталась в коммуналке, пошла в первый класс, а я продолжал ходить в детский сад. Однако эти изменения не мешали мне встречать её иногда из школы и нести портфель. Нам было приятно от ощущения, что мы стали взрослей. Близость наша росла. Но однажды поздней осенью я нашёл на дороге рубль и, встретив из школы Надю, предложил ей зайти в культтовары и выбрать себе какую-нибудь игрушку. Ей понравился пупсик и ванночка для него. Денег хватало. Мы купили, и Надя стала мечтать, как будет шить из цветных лоскутков ткани одежду и, конечно, купать пупсика. А потом вдруг спохватилась: «А что скажет твоя мама, ведь у тебя есть теперь сестрёнка? Ты должен спросить!» Дома я в любом случае рассказал бы о находке и подарке, но никогда не стал бы сомневаться в правильности своего поступка. Во-первых, это я нашёл деньги и поэтому за мной было и право решать, кому сделать подарок, во-вторых, сестра была ещё совсем маленькая, в-третьих, у неё были родители, они работали и сами могли ей купить что угодно. Но Надя не отступала и я согласился. Мне было неудобно, я чувствовал фальшь. Так и вышло. В маме пробудилась дремучая плотская самость, и, как предполагала Надя, она заявила: «У тебя есть сестра...» Совершенно поникший, я вышел на улицу, где безропотно ждала наш приговор Надюша, и сообщил ей... Мы перестали встречаться, мне мешал стыд. Даже потом, много лет спустя, когда мы были старшеклассниками в одном пионерском лагере, я избегал её. К моему стыду добавилось смущение, так как Надя превратилась в жгучую красавицу с обворожительным грудным голосом. Однако я забежал вперёд. Всё это случилось потом, в другом мире...

А пока, помните, отец собирает меня в садик, включает лампу на рабочем столе мамы, поворачивает абажур так, чтобы прямой свет не бил мне в глаза. Я всё равно морщусь. Тогда он покрывает абажур газетой. Откидывает одеяло с моих

ног, приподнимает их и подкладывает ещё одну хрустящую газету. И, словно чувствуя оба измерения, в которых я пребываю одновременно, он всё делает осторожно. Натягивает на меня шерстяные колготки, шаровары с начёсом... я, как кукла, лежу безвольно. В какой-то момент меня обдаёт холод, но отец ловок и я, не успевая пробудиться, чувствую колючий свитер, варежки... В конце концов я готов, поверх цигейковой шубы и шапки на мне большущая шерстяная шаль. Осталась небольшая щель, и я даю знать отцу, что дышу. Он кладёт меня на санки, которые сварил как-то после работы у себя на производстве из обрезков строительной арматуры и покрасил в приятный салатový цвет. Спускается вниз, меня качает. Я плыву — ну чем не ангельское состояние! На улице всё так же пуржит и воеет тьма. Дорогу замело, кругом крутые сугробы с обламывающимися гребнями. Санки со мной бросает, как корабль в шторм. Но я спокоен, мне тепло. Слышен скрип снега под валенками отца. Он везёт меня в неизведанное, я согласен...

Надежда Сысоева

с. Леуши, Кондинский р-н, ХМАО-Югра

Я ПРИДУМАЮ СЕБЕ ЛЮБОВЬ!

Я придумаю себе любовь!
Вздуроражу снова все чувства!
Я придумаю себе любовь,
Чтоб на сердце не было грустно!

Я придумаю себе любовь,
Убегу от одиночества, скуки,
Я придумаю нежность слов,
Твои волосы, лицо, руки.

Я придумаю себе тебя
И опять закручу романы!
Я придумаю... ведь жить не любя
Невозможно и ещё рано!

МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Моя последняя любовь — дар неожиданный!
А я ведь думала давно, что сердце выжжено.
И не надеялась уже, что вновь проснётся,
И удивилась — это же как в тучах солнце!
Как непривычны этих чувств томленье, нега,
И счастья свет, и тут же грусть, и в звёздах небо!
Моя последняя любовь — негаданная радость!
Нам с благодарностью принять её осталось.
По жизни бережно нести, благословляя...
Моя последняя любовь — частичка рая...

У МЕНЯ ВСЁ НЕ ТАК...

У меня всё не так, всё иначе.
Удивляюсь себе вновь и вновь.
Как непрошенный солнечный зайчик,
В моё сердце ворвалась любовь.
А ведь мне уже даже не тридцать!
Что же это за блажь, не пойму?
Как осенний сорвавшийся листик,
Моё сердце кружит на ветру.
И от этого лёгкого танца
Так светло и тепло на душе,
Что уйти тебе или остаться —
Не имеет значения уже.

*Любовь — это счастье и рок,
Любовь — это грех и святыня...
Любовь — это дьявол и бог!
Но мир без любви как пустыня!*

ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ!

Люблю, люблю любое время года:
Снежинок танец, песенку дождя...
А в осень так украшена природа,
Что просто взгляда оторвать нельзя!

Люблю зимы холодной белоснежность,
Весны цветенье, лета красоту,
Поры осенней лёгкую небрежность,
Что будит вдохновенье и мечту.

Всегда мы ждём. Сменяемость прекрасна!
Одна пора приходит за другой.
Пусть холод, слякоть — я на всё согласна!
Но только не унынье и покой!

ВСЁ ИЗМЕНИТСЯ...

Всё изменится: деревья станут выше,
А дома как будто ниже и бедней...
И кольнёт, что так давно ты вышел
С дома отчего и улицы своей.

И поймёшь, что всё осталось в прошлом:
Детство, юность, зрелые года.
Было в них плохое и хорошее,
Но не возвратится никогда.

И стоит как будто бы укором,
Что уехал в дальние края,
Этот старый дом за косогором,
Где старушка мама ждёт меня.

И ТОЛЬКО ПАМЯТЬ...

Девятого мая затеет стряпню.
Затопится печка.
А возле портретов в иконном углу
Поставит по свечке.

Их всех шестерых смертоносным огнём
Война опалила.
Никто не вернулся в родимый свой дом
Из тех, что любила.

Года потянулись из сумрачных дней
Надежд, ожидания,
И горечь слезами омытых ночей,
Тоски и стенания.

Настряпает вновь, соберёт в узелок,
Пойдёт к полустанку.

А вдруг да и спрыгнет с подножки сынок,
Обрадует мамку?..

...Но мимо летят поезда, как года,
Не притормозят, не просите!
Ватрушки и булочки людям отдаст:
— Сынков помяните!

И снова вернётся в притихший свой дом,
Присядет к портретам.
Помолится, лоб осеняя крестом,
Слезинку роняя при этом.

Ни годы, ни люди сынов не вернут.
Приводит их к ней только память.
...Вот, руки раскинув, смеются, бегут...
Вот первый букет дарят маме.

Проходит пред ней их короткая жизнь:
Малютки... подростки... мужчины...
Как память с реальностью переплелись!
И свечи сгоревшие стынут...

СЕСТРИЦЫ

На поле боя раненый хрипел.
Он звал её — сестричку фронтовую,
А значит, ей обратно под обстрел —
Война ей долю выдала такую.

Сказать, что трудно, — это примитив,
Ведь трудно в жизни каждому бывает...
А ты попробуй мужика тащить
Ползком, колени дó крови сбивая!

Когда он много тяжелей тебя,
Но ты — должна! И, сжавшись как пружина,
Ты вынесешь его из-под огня,
Свою обстрелу подставляя спину.

Лишенья с ними терпишь наравне:
Шум боя, недостаток пищи, грязь...
А женские проблемы? Все вдвойне!
Откуда сила у тебя бралась?

«Сестра, сестричка», — раненый хрипел,
Лишь на неё надеясь в вихре боя.
Что приползёт, не глядя на обстрел,
И перевяжет, и собой прикроет.

И сутками без отдыха, без сна,
В крови, поту, среди грохота и стонов,
Порой на роту целую одна —
Сестрица эта. Девочка. Мадонна.

И сколько их осталось по полям
Руси великой или за границей,
Оторванных войной от пап и мам
И получивших звание «сестрица»?!

Галина Суховерхова

г. Рубцовск, Алтайский край

ПРИТЧА О СПРАВЕДЛИВОСТИ

К одному известному ювелиру Д. пришла известная певица И., чтобы заказать себе по каталогу шикарное золотое украшение с изумрудами. Через неделю она приходит за готовым изделием. От увиденного певица была в восторге:

— Какая прелесть! Сколько я вам должна?

— Мадам, я возьму с вас в два раза меньше, вы же у нас — звезда! — ответил ювелир.

Певица счастливая отправилась к своей подруге похвастаться. А подруга её была знатоком по части украшений.

— Подделка! — заявила она.

Звезда, вне себя от возмущения, поехала к ювелиру. Швырнув украшение ювелиру, закричала:

— Ответите мне за подделку!!!

На что ювелир ей спокойно сказал:

— Мадам, я недавно был на вашем концерте, где вы пели под фанеру. И я заплатил ровно столько, сколько взял с вас за украшение. Так что мы — КВИТЫ!!!

ПРИТЧА О КОВАРСТВЕ. ПОДКОЛОДНАЯ ЗМЕЯ

*Яд змеи не опасен для змеи этого же вида,
но может оказаться смертельным для другого вида.*

В одной заброшенной старой деревеньке возле леса обитали две подружки-змеючки. Одну звали Яда, она была ядовитой. Другую — Шипа, она лишь шипела, почувствовав угрозу.

Место, где проживала Яда, все лесные жители обходили стороной, побаиваясь её ядовитого острого язычка. Яда с Шипой была приветливой, но это только с виду. В душе

она злорадно посмеивалась, видя, как с ней обращаются: то на хвост наступят, то палкой по голове ударят.

Не выдержав издевательств, Шипа приползла к Главному Змеюку леса и попросила его помочь сделать такой же язычок, как у Яды.

Осмотрев Шипу, Главзмей заявил, что ничем помочь не может: мол, что уродилось, ничем не исправишь. И он посоветовал Шипе сменить кожу-наряд, сделать такую же окраску, как у Яды, и тогда все будут её остерегаться. Шипа согласилась.

Но перестарался Главный Змей и наряд у Шипы получился ярче, чем у подружки.

Пригласив Яду на прогулку, Шипа стала перед ней извиваться, демонстрируя своё новое платье. Поначалу у Яды отнялся язык, но, придя в себя, она накинулась на Шипу и сильно укусила её, злясь не только за то, что наряд оказался красивее и ярче, но и за то, что той много внимания уделял Главный Змей, которого Яда полюбила всей своей змеиной натурой.

И могло всё закончиться плохо, если бы в это время мимо не проползал Главзмей. Он давно был влюблён в Шипу и решил её спасти. Он ввёл ей противоядие, чем и спас свою любимую от неминуемой гибели.

А Яду он прогнал и велел больше не появляться в их местах. С тех пор Подколотную змею в деревне больше никто не выдывал. А Шипу он взял под своё покровительство.

НЕ ВОДИТЕСЬ С ТЕМИ, КТО НЕ ОДНОГО «ВИДА» С ВАМИ!

ПРИТЧА О СОСТРАДАНИИ И ПРЕДАННОСТИ

Жил-был во дворе бездомный пёсик по имени Дружок. Никого не трогал, спокоен и добродушен, пока не появилась Новенькая. Каждый раз, когда она проходила мимо, Дружок пытался её слегка укусить. Но та никак

не реагировала. Старых жителей Дружок не трогал — видимо, они не по зубам были, а Новенькая, наверное, не по вкусу пришлась... Но однажды слёг Дружок, не ест, в глазах — глубокая печаль. Старые проходят мимо, «не замечают». Новенькая увидела и подошла:

— О, да ты болен, Дружок!

Взяла на руки и принесла к себе домой. Выходила, спасла Дружка. У Новенькой никого из близких не было, так сложилось. Теперь у неё есть Дружок, а у него — она, его хозяйка.

Как-то стало плохо хозяйке, закружилась голова, и она потеряла сознание... Как завыл Дружок, как начал скрести когтями по двери, что не выдержали соседи, вызвали полицию. Вовремя. Скорая откачала хозяйку. Теперь хозяйка и Дружок не разлучались никогда, спасённые друг другом. Повсюду вместе.

И когда хозяйка умерла, через несколько дней умер и Дружок, на... её могиле...

ПРИТЧА О ВНЕШНЕЙ КРАСОТЕ И ВНУТРЕННЕЙ СУЩНОСТИ

Гуляли двое по парку.

— Какой красивый клён... Смотри... Какая крона... — сказал один.

Другой поближе подошёл:

— Клён весь больной. И, слышишь, — стонет.

А клён вскричал:

— Да, я красив! И молод я. Здоров! Красивых мне сказали много слов!

Но вдруг поднялся ветер сильный. На небе — тучки грозовые. Упал на землю клён красивый. Он изнутри был просто с гнилью...

ПРИТЧА О ГЛУПОСТИ

Целеустремлённый человек – это тот, кто чётко и понятно обозначает краткосрочные и долгосрочные цели и шаг за шагом следует к ним. То есть человек, который упорно трудится, чтобы достичь своих интересов.

Егор Анискевич

Встретились у горы двое: «целеустремлённый» глупец и прохожий.

Глупец:

– Ты что тут делаешь?

Прохожий:

– Да вот хочу посмотреть, как будешь на ледяную гору лезть.

Глупец:

– Смотри и учись, как надо!

И полез. Без специального снаряжения. А гора была вся ледяная, сорвался вниз Глупец.

Лежит и охает.

Прохожий:

– Это уже не целеустремлённость, а глупость.

У ЖИЗНИ ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА ГЛУБОКОВОДНЫХ ОЗЁР

У ЖИЗНИ голубые глаза глубоководных озёр...

Волосы у неё от цвета чёрного, как наша земелюшка, до белоснежного, как у зимушки шапка.

Лицо бывает то радостное, то печальное, то задумчивое, то удивлённое...

А какие у неё наряды... То она в летнем сарафане, расписанном васильками и ромашками, то в золотисто-оранжевом, с вкрапленными янтаринками с морского побережья. А когда подуют холодные ветра северные, тучи нахмурят свои брови и с неба начнут падать прозрачные звездочки-снежинки, она наденет на себя богатое парчовое одеяние

с соболиными мехами. А затем, сбросив с себя тяжёлый наряд, выйдет на подиум в молодом зелёном, с запахом сирени и душистой черёмухи.

И, видя эту красоту, понимаешь, до чего же она прекрасна, эта ЖИЗНЬ... И мы наслаждаемся каждым её счастливым мгновением.

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ ТЫ ЖИЗНЬ

Если любишь ты жизнь,
Поднимись...
Распрями свои крылья,
Взлетай...
И пари в небесах — высоко,
Оставляя боль на земле.

ЛЕТНЕЕ УТРО

Лёгкий тёплый ветерок обдал меня своим свежим дыханием. В воздухе витает запах свежескошенной травы, а яркое солнышко на ярко-синем небосклоне протягивает всем свои ласковые и золотистые лучи:

— Грейтесь, люди...

Радостно чирикают воробышки, им уже не нужно прятаться от сибирского мороза.

Ромашки на газонах подмигивают своими жёлтыми глазками, а вот распустили свои лепестки одуванчики, превращаясь к вечеру в белые пушистые зонтики. Дунь на них — и они, как маленькие парашютики, разлетаются во все стороны.

И люди меняются. На их лицах появляются открытые и светлые улыбки: Лето пришло...

Дарите всем свои тёплышки души и поверьте, что мир от этого — лишь потеплеет.

УКРЫЛА НОЧЬ СОБОЮ ЗЕМЛЮ

Укрыла ночь собою землю,
И шёпот листьев поутих.
И не спеша плывёт по небу
За мною яркий лунный диск.
Не слышно звонкой птичьей трели,
Лишь блёклый свет от фонаря...
Всё стало сонным в этом мире,
Уснула Матушка-Земля.

ЖЕНСКАЯ МЕСТЬ. СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН – 2

В дверь кабинета Директора известной фирмы негромко постучали:

– Ольга Петровна, вот ещё одна анкета соискателя.

И секретарша Настенька, миловидная девушка двадцати двух лет, положила анкету поверх уже солидной стопки желающих заполучить эту хорошо оплачиваемую должность начальника отдела.

Преыдущего со всеми почестями проводили на пенсию.

– Кандидат-то какой симпатичный, и не женатый... А в резюме о себе указал, что он специалист высокого класса и что цены ему нет.

Настенька, загадочно и хитро улыбнувшись, покинула кабинет.

Ольга Петровна усталым взглядом скользнула по анкете и увидела фото нового кандидата на вакантную должность.

– Оба-на!

С фотографии ей немного насмешливо и как-то мило улыбался Петька Самурайкин, её бывший одноклассник, что в школе не давал проходу: то подножку подставит,

то обзывался так, что заставлял плакать отличницу-Ольку где-нибудь в уголке.

А однажды он подделал почерк классной руководительницы Ирины Николаевны и написал красной пастой в её дневнике, пока она обедала в столовой: «Ваша дочь приставала к мальчикам. Прошу вас обратить внимание на поведение дочери».

Ольга догадалась, чьих рук дело: Самурайкин отлично рисовал. Ей пришлось заменить дневник, сказав учителям, что нечаянно испачкала и выбросила. Ей поверили, так как она училась на отлично и ей нечего было скрывать.

Ольга Петровна не забыла в тот момент лицо Самурайкина: оно было восхитительно довольным и торжествующим.

— Ну всё! Капец тебе, Самурайкин! Пришло моё время!

И Ольга Петровна своим красивым и ровным почерком в верхнем левом углу анкеты вывела:

ПРИНЯТЬ!

РАСТОПИТЕ ПЕЧАЛИ ТЁПЛЫМ СОЛНЫШКОМ

Растопите печали тёплым Солнышком,
Улыбнитесь зелёному ковру под ногами.
Пейте жизнь свою до самого доньшка
И любуйтесь ясными звёздами ночами.

Просто живите и радуйтесь, что встретили рассвет...

МОЯ ОСЕННЯЯ РАПСОДИЯ

Акrostих

М/еня осень слегка опьянила,
О/кружила своей красотой.
Я/ в плену у неё, и не в силах
О/буздать её нрав золотой.
С/олнца лучик поймала девчужка,
Е/й ковром устелилась земля.
Н/ебо синенькое как речушка,
Н/а речушке плывут облака.
Я/ люблю эту модницу-осень,
Я/рко-рыженькую, как лиса.
Р/азукрашены листья все охрой,
А/ прожилка на них – зелена.
П/есня осени сердцу на диво,
С/ветло-грустненькая и легка.
О/тпускаются нотки игриво,
Д/нём и ночью творя чудеса.
И/ скажу тебе, осень, на ушко:
Я/ – осенняя Дева, подружка.

Лора Шол

г. Каменск-Шахтинский, Ростовская область

ВИШНЁВЫМ СОКОМ

Вишнёвым соком
по моей ладони
стекает день
в обход календаря,
я запах лета
в баночках закрою,
чтобы зимой
он радовал тебя.

В моих ладонях
трепетность рассвета.
Прохладой ночь
крадётся чуть дыша.
Я так хочу,
чтоб задержалось лето,
ещё не вся
согрелась в нём душа...

За Солнцем следом,
окунаясь в море
донских степей,
что на закате дня,
плыву навстречу
лету золотому...
Ты только жди
на пристани меня...

АЙРИШ

Я приеду, лишь дни станут тише...
Обещаю — останусь в живых.
И айриш, по глоточку, слышишь,
Не спеша будем вместе пить.
Я приеду, поспеют лишь вишни...
Обещай мне остаться в живых!
Мы друг другу весточки пишем,
Самолёты пуская с крыш...

НАДЁЖНОМУ

Хочешь, я побуду тихим листиком,
Тем, что от берёзы отрывается? —
На твою ладонь, качаясь лодочкой,
Нежно своим сердцем прикасается...

Я в твоей руке. И от надёжности,
Кажется, совсем теряю голову.
Милый, не сомни в неосторожности:
Каждая прожилка жизнью прожита.

Облетит листва, годами сложится
В старом парке пряно-прелой осенью.
На твоём виске снегами полнятся
Зим студёных памятные россыпи...

В ТВОЕЙ ГАВАНИ

В твоей гавани
все мои корабли.
Дождутся прилива
и снова
отправятся в путь.

Ты ведь не брал меня
силою в плен любви.
Штурмом и я
не брала твой Порт-Артур.

Мы ветра
шальные
призраки в зеркалах.
И море нам колыбель
на семи ветрах.
И одиночеством в сердце
горит маяк
для тех, кто веру в себя
в пути потерял...

Ты будешь ждать
с приливом
мои корабли.
А я пираткой дерзкой
по имени Ло
добуду сокровища
моря для нас двоих.
Я знаю, где прячет Нептун
их на дне морском.

А ночью, когда
на палубе стихнет гам
и паруса свернутся
в глубокий сон,
шепнёшь,
что любишь меня,
как океан.
Который носит
на волнах имя Ло...

РЕГГИ-РОСТОВ-ДОН

На столике «эспрессо», вкус двойной.
...Рык льва и трепет сердца антилопы.
Беги! Когда такие носят ноги...

Под звуки регги кофе вкус иной.
...Рёв Jaguar'a. За окном — капоты.
И тротуары в городе — как тропы...

Срываю шарф. Дышу, весна, тобой.
...Бульварный шаг и цен калейдоскопы.
По Пушкинской гуляют эфиопы...

В наушниках и танец, и покой.
...Льву снится бургер, что делили копы.
И небоскрёб с глазами антилопы...

Под звуки регги мне пора домой.

ЗОЛОТОЙ ПОКРОВ

Жёлто-спелый диск луны на Покров явился
И донским степям к утру низко поклонился.
За околицу упал, звёздами укрылся.
Покрывалом золотым на земле светился.

Словно тысяча свечей, опалило солнце.
Отразилось в куполах в перезвоне звонко.
Нить небесная летит да по всем сторонкам,
Покрывалом золотым укрывает тонким.

Лист берёзы на Покров да упал нам в ноги.
Будет снежная зима да мороз не строго.
Богородица с небес, утолив тревоги,
Покрывалом золотым укрепила многих...

ПОЗОЛОТИ МНЕ РУКУ, БАБЬЕ ЛЕТО

Позолоти мне руку, Бабье Лето...
Я расскажу всю правду о тебе.
И с шелестом чуть ржавые монеты
Горстями на ладонь упали мне.

Тебя разденут, милая, до нитки.
И ветер наготу швырнёт в лицо.
И золотые спреют твои свитки,
Забившись под промокшее крыльцо.

Покинут все украдкой, на рассвете,
Сгорая в полыхающей заре.
И по ковру, расстеленному ветром,
Шагнут навстречу матушке Зиме.

Гадаю я... А с неба паутинки
Вокруг меня запутались кольцом.
Сжимают бабью душу в поединке.
И даже дождь отяжелел свинцом.

Позолоти мне руку, Бабье Лето.
Ещё надежда есть в твоей судьбе.
Закружит вальсом ветер в эполетах
И зацелует бархатно в листве...

РОСТОВСКИЕ ПИСЬМА

На каблуках, что с Эйфелеву башню,
И с сумочкой, посаженной на цепь,
Шла девушка, не вписываясь в марши
Ростовских улиц, обрамлённых в медь...

Как дырокол, пронизывая листья,
Каблук тащил охапку за собой.

А клён грустил — уносят его письма.
Он их писал берёзоньке одной...

Подхватит ветер — всё перемешает.
Ах, без вины виновны каблучки.
И никогда берёза не узнает,
Что клён писал ей письма о любви...

ЗАРОСШИЙ ДВОР

Заросший двор.
В цветах жива печаль.
Шагов усталых ног
совсем не слышно.

Лишь солнца луч,
себя протиснув в даль,
повиснет в окнах
бликом золотистым.

Давно уж нет
хозяйки той в живых,
а дом скрипит,
болтая с ветром ставней.

Да розы куст
в смятении затих...
Роняет цвет
на землю утром ранним.

ПОРТРЕТНОЕ

Что-то есть во мне от дикой кошки.
Может, взгляд, что провожает его тень?
Не наброшусь. Когти понарошку
Поточу о старый, бранный день...

Что-то есть во мне от дикой кошки.
Среди сна возьму я телом в плен.
Наслаждаться буду этой ночью,
Чуть сползая с замерших колен...

Что-то есть во мне от дикой кошки.
За свободой, сбросив тёплый плед,
Ухожу ветвистой дорожкой,
Чтоб спасти свой старый Карфаген...

ТУМАННЫЙ ПИТЕР

Туманный Питер — точно Альбион.
И фонари, что звёздные скопления,
Рассеянно расселись над Невой,
Оставив Троицкому тусклое свечение.

Темна вода. Тумана лик тайком
Крадётся по ночному Петербургу,
Окуривая небо над дворцом
По воле рокового драматурга.

Я так скучаю. Твой туман — мой дом,
Где в склянках фонарей разлита нежность.
Где ждёт атлант с заснеженной стопой
И в гроте наливают кофе пенный...

ОДУВАНЫ

Майский вечер в одуванах,
Долька солнца за окном.
А сосед мой, вечно пьяный,
Гонит мутный самогон.
Не лечу ему я нервы.
Лишь качаю головой,
Что жену оставит первым
Очень радостной вдовой...

Майский вечер в одуванах.
Сеном пахнет за окном.
А по хутору с баяном
Бродит парень заводной.
Не пишу ему я песен.
Сочиняет их он сам.
Только жаль, ему невесту
Не сосватать. Нету дам...

Майский вечер в одуванах.
Месяц в небе молодой.
И латает сердце раны
Нитью звёздной, неземной.
Не любовь я позабыла,
А свою забыла боль.
Разлетались одуваны
Белогривою волной...

ЯБЛОКО ЛЮБВИ

Он влюбился в неё
убегающим в детство мальчишкой,
В запах вызревших яблок
в заброшенном, старом саду.
Стал взъерошенным вдруг,
как на ветке смешной воробьишко.
Так хотелось испробовать
спелую сочность на вкус.

Он терялся, смущался...
Взлетал! Опускался на землю.
Он по саду бродил и не знал,
как же к ней подойти.
По аллеям судьбы её
следом за тенью тащился.
Аромат спелых яблок
встречая на грешном пути.

Он влюбился в неё.
Разве мог он себе не поверить
С высоты отшумевших
без этого сада всех лет...
Он прижал к себе яблоко,
словно осколочек лета.
Запах зрелой любви,
что без спроса открыл его дверь.

РЕВНОСТЬ. ТОЧИЛКА И КАРАНДАШ

Моя любовь — любимый карандаш.
Он пишет, выводя всем сердцем чувства.
Ты в ревности оттачиваешь блажь,
Увидев в буквах мнимое распутство.

И, стружку отделяя от меня,
Точилкой стержень сердца обнажая,
Однажды ты увидишь — нет меня.
Огрызок карандашный, умирая...

На листике безжизненно замрёт.
И никогда в своей умелой хватке
Не сможешь воскресить его полёт.
И поломаешь в яростном припадке.

Итак: Точилка — ты, я — Карандаш.
Однажды ты меня переживёшь,
Вобрав в себя ту часть моей души,
Которую в полёте оборвёшь...

Содержание

<i>В. Зиновьев. К читателям</i>	3
Валентина Душина	5
Наталья Зиновьева	42
Василий Зиновьев	43
Юрий Иванников	64
Катя Иванова	67
Марина Красавина	70
Жанна Куат	73
Ирина Китаина	74
Юлиана Логинова	80
Сергей Майоров	83
Светлана Маланко	84
Денис Минаев	97
Людмила Микушина-Половодова	98
Елена Раннель	100
Алекс Росс	102
Надежда Сысоева	123
Галина Суховерхова	128
Лора Шол	136

Искорки души

Сборник произведений

Редколлегия:

*С.С. Антипов, И.Е. Витюк,
Д.В. Минаев, В.В. Зиновьев*

Составитель:

В.В. Зиновьев

Дизайн обложки:

А.А. Минаева

Корректор:

А.Е. Русских

Компьютерная вёрстка:

Д.В. Минаев

Подписано в печать 05.12.2020
Формат 60х90/16. Бум. офс. 80 г/м².
Печать цифровая. Объём 9,25 усл. п/л.
Гарнитура BalticaС.
Тираж 350 экз. Заказ № 158677

ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

ISBN 978-5-907316-67-6

9 785907 316676 >